

18+

ПОСТЧЕЛОВЕК

Глоссарий

Под редакцией Розы Брайдотти и Марии Хлавайовы

GARAGE.DIGITAL ↻

GARAGE

**Рози Брайдогги
Мария Хлавайова**

Постчеловек: глоссарий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69843010

Постчеловек: глоссарий: Музей современного искусства «Гараж»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-6049360-0-9

Аннотация

В свете новых вызовов, охватывающих современное общество, концепт человека как таковой, а также проблема его взаимодействия с искусством, точными и гуманитарными науками претерпели существенные изменения. Данный процесс, называемый «постчеловеческим состоянием», подвержен влиянию неолиберальной экономики, глобального капитализма, миграционной политики, технологического прогресса, экологических проблем, борьбы с терроризмом и т. д. «Постчеловек: глоссарий» представляет собой сборник ключевых терминов постчеловечества в контексте современного искусства и интеллектуальной сферы. Он охватывает такие широкие темы, как антропоцен, капиталоцен, экология, цифровой активизм, алгоритмическая культура и нечеловеческое. В глоссарии представлены краткие определения этих понятий и исследуются художественные, интеллектуальные и активистские подходы к решению сложных проблем «постчеловеческого

состояния». Сборник помогает разобраться в изменениях, которые произошли в искусстве в контексте современных событий, связывает различные дисциплины, аудитории и критические сообщества.

Рози Брайдогги (род. 1954) – философ и теоретик феминизма, ее теоретические работы повлияли на становление постгуманизма.

Мария Хлавайова (род. 1971) – куратор и теоретик, основательница и художественный директор пространства ВАК (Утрехт).

Содержание

Благодарности	6
Предисловие к серии	8
Введение	11
Авторы	48
А	99
Алгоритм	99
Алгоритмические исследования	106
Альтергоритм	111
Анимизм	119
Анимизм (limulus)	127
Анонимность	131
Антропизм / имманентный гуманизм	138
Антропос	143
Антропоцен	149
Архитектурное расположение	156
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Рози Брайдотти, Мария Хлавайова

Постчеловек: глоссарий

Перевод подготовлен под редакцией Максима Фетисова

Переводчики: Марк Белов, Елена Глухова, Виктория Дубицкая, Ольга Дубицкая, Глеб Коломиец, Анна Слащева, Вера Федорук, Максим Фетисов, Мария Филиппова, Екатерина Хмелинская, Надежда Чамина, Ольга Чумичева

© Rosi Braidotti, Maria Hlavajova and contributors, 2018 together with the following acknowledgment: 'This translation of Posthu'man Glossary is published by Garage Museum of Contemporary Art by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc.

© Музей современного искусства «Гараж», 2023

Благодарности

Это издание – кульминация серии семинаров под одноименным названием в ВАК (basis voor actuele kunst), прошедших в Утрехте в 2015 году. Они были задуманы Розы Брайдогги и реализованы в контексте исследовательского проекта ВАК «Словари будущего / Человеческое – бесчеловечное – постчеловеческое» совместно с программой «Гуманитарные науки в XXI веке» Центра гуманитарных наук Утрехтского университета.

Соредакторы Розы Брайдогги и Мария Хлавайова хотели бы поблагодарить большие, трудолюбивые и преданные команды, организовавшие семинары в обеих институциях, и не менее талантливую команду редакторов и ассистентов, помогавших с итоговой публикацией. Особая благодарность Тобейну де Грааув и Тоа Маес за их вклад как на уровне содержания, так и на уровне организации. Наша сердечная благодарность управляющему редактору команды редакционных ассистентов Года Клумбите, которая была основным контактом для авторов, координировала редактирование рукописи и собрала сложные библиографические детали при помощи Элизы Фиоре.

Спасибо редактору изображений Люси Лопес, редактору Тому Кларку, ассистентам редакторов Хидде ван Грейнингену и Гри Ульстайн, техническому редактору Стефани Паал-

васт. Мы также благодарны многим коллегам из Утрехтского университета, Центра гуманитарных наук и команде ВАК за участие в мероприятиях, в результате которых появилась эта публикация.

Искренняя благодарность всем авторам этого издания, включая художников, предоставивших свои изобразительные работы и превративших «Глоссарий» в междисциплинарный разговор.

И последнее, но не менее важное: посредством этого издания, а также многих других проектов за десятилетие своего сотрудничества соредакторы хотят признать, что академические и художественные учреждения принадлежат одному и тому же миру и несут за него ответственность.

Предисловие к серии

Теория вернулась.

Критических теоретиков универсального, органического или ситуативного типа обычно определяли по их этико-политической приверженности в оценке отношений власти в реальном мире, а также в научной практике. Однако на протяжении 1990-х годов престиж теоретиков падал. «Теоретические войны» в США развенчали критическую теорию как устаревшую идеологическую деятельность, а самих теоретиков – как «радикалов с пожизненной профессорской зарплатой». Их заменили новые «поставщики контента», эксперты и консультанты, появившиеся в контексте растущей приватизации академических исследований. На рубеже тысячелетия, в котором интернет считается единственным настоящим «поставщиком контента», бывшие теоретики были переведены на рыночно-ориентированные позиции «брокеров идей», а в лучшем случае – их «лидеров». В наши дни все мы – предприниматели от мышления. Когнитивный характер современного капитализма и его медиация высокими технологиями парадоксальным образом породили «пост-теоретические» настроения и усилили атаки на радикальную мысль и критическое инакомыслие. Следствием такого негативного настроения стала критика социальной и исследовательской ценности гуманитарных наук в неолиберальном корпор-

ративном университете, управляемом экономическими исчислениями и мотивами прибыли.

И все-таки жизнеспособность критического мышления в современном мире по-прежнему ощутима, как и поддерживающий это мышление мятежный дух. Возможно, теоретическая практика и застопорилась в академическом мире, но зато она наполнилась новой энергией в других сферах: в медиа, обществе, искусстве, корпоративном мире. Новые поколения областей критических «исследований» развивались наряду с классическими радикальными эпистемологиями 1970-х годов: гендерные, феминистские, квир-, расовые, постколониальные исследования, изучение колониального угнетения, исследования культуры, кино, ТВ- и медиаисследования. Второе поколение критических «исследований» включает изучение животных и экологическую критику, исследования культуры в науке и обществе, религиоведение, исследования ограниченных возможностей, ожирения и успеха, исследования знаменитостей, исследования глобализации и многое другое. Новые медиа породили новые метаполя: исследования программного обеспечения, интернет-исследования, исследования игр, цифровые постколониальные исследования и так далее. Окончание холодной войны привело к исследованиям конфликтов и мира, исследованиям в области прав человека, гуманитарному менеджменту, медицине прав человека, исследованиям травм, памяти и примирения, исследованиям безопасности, исследованиям

смерти, исследованиям самоубийств, и этот список продолжает расти. Эти различные поколения «исследований» в настоящее время образуют теоретическую силу, с которой приходится считаться.

Теория возвращается!

Цель этой серии – представить картографические описания этих формирующихся критических теорий и отразить жизнеспособность и вдохновляющую силу продолжающихся теоретических дебатов.

Рози Брайдотти

Введение

Что может быть общего у таких терминов как «альтерго-ритм», «ревайлдинг», «негентропия» и «техноанимализм»? Ответ – на страницах этой книги: все это неологизмы, представляющие собой попытку прийти к согласию со сложностями трудного постчеловеческого состояния. Каждый раз, ссылаясь на какой-то из этих неологизмов во Введении, мы будем брать его в кавычки, чтобы таким образом указать на них и уведомить читателей об особом происхождении этих терминов.

В основе этого глоссария – рабочее определение постчеловеческого как области исследований и экспериментов, появившейся в результате конвергенции постгуманизма, с одной стороны, и постантропоцентризма, с другой. В фокусе постгуманизма – критика гуманистического идеала «Человека» как универсального представителя человеческого, тогда как пост-антропоцентризм критикует иерархию видов и продвигает биоцентрический эгалитаризм. Однако междисциплинарные по своей сути, они восходят к разным традициям, цитируют разных авторов и склонны занимать место между разными дисциплинарными областями. Сближение этих двух направлений сейчас порождает новую, динамичную область исследований. Соответственно, в этом «Глоссарии» мы используем термин «постчелове-

ческое», чтобы отметить появление трансдисциплинарного дискурса, являющегося чем-то бóльшим, чем просто сумма постгуманизма и постантропоцентризма, и указывающего на качественный скачок в новом – возможно, «постдисциплинарном» – критическом направлении.

Следовательно, данное издание – это одновременно и попытка отразить современное состояние науки о постчеловеческом, представив ряд ключевых терминов и авторов, и критическое вмешательство в исследовательское поле. В критической части подчеркиваются два главных измерения. Первое – это важность неоматериалистических подходов и монистических процессуальных онтологий в современной постгуманистической критической теории. Второе – этическая обеспокоенность отношениями между новыми концептами и условиями реальной жизни с четким акцентом на протяжении всей книги на необходимости творческих ответов на современные вызовы. Эта этическая страсть является драйвером этого издания, а также помогает сформировать его аффективный тон с точки зрения ответственности, уважения к разнообразию и убеждения, что критика и креативность работают в тандеме. В этом отношении можно сказать, что «Глоссарий» одновременно и оправдывает, и опровергает свои обычные ожидания и цели.

Anthropos redux

Исходное предположение этой книги заключается в том, что историческая ситуация сегодня – экологически, экономически, социально-политически, а также аффективно и психически – беспрецедентна. Мы определяем нашу эру как антропоцен¹, понимаемый нами как геологическое время, когда люди оказывают длительное и негативное воздействие на системы планеты. Как «поколение антропоцена»² мы полагаем, что для того, чтобы разобраться с составляющими и конфигурациями настоящего и наметить направления будущего, нужны новые понятия и термины. Есть давление старых и новых, современных вопросов, таких как изменения, вызванные продвинутыми технологическими разработками, с одной стороны, и структурными неравенствами неолиберальной экономики глобального капитализма, с другой. Соответственно, авторы «Глоссария» анализируют и материальные, и дискурсивные условия: и социологическая реальность, и измерения более эпистемического свойства берут-

¹ Лауреат Нобелевской премии химик Пауль Крутцен (Paul Crutzen) придумал термин «антропоцен» в 2002 году, чтобы описать нашу нынешнюю геологическую эру в контексте влияния человека на устойчивость планеты. Термин был официально принят Международной геологической ассоциацией в Кейптауне в августе 2016 года.

² См. Macfarlane, R. Generation Anthropocene: how humans have altered the planet forever. The Guardian. April 1, 2016.

ся вместе, как две стороны одной монеты. Это предполагает в качестве отправной точки природно-культурный континуум, бросающий вызов бинарному мышлению. Другими словами, «вычислительный поворот» очень «привязан к земле» (earth-bound), и глобальная экономика – какой бы «планетарной» она ни была – тоже в высшей степени «земная». Просто сегодня бывшие «четыре стихии» (земля, воздух, вода и огонь) мутировали в «гео-гидро-солярную био-техно-политику». Если это звучит загадочно, то только потому, что так на самом деле и есть. Нам нужно взяться за задачу думать по-другому о нынешнем нашем непростом положении.

Как следствие этих мутаций, два понятия, относящихся к остаточному гуманизму, – *не-человеческое* и *бесчеловечное* – очень важны для этого «Глоссария», потому что они выделяют острые аспекты нашей социальной реальности. «Не-человеческое» (non-human) описывает статус обесцененных натурализованных «других», чье существование было выброшено за рамки антропоцентрической мысли и ограничено не-человеческой жизнью (zoe). Исторически это члены этнических групп, не относящихся к правящим колониальным европейским державам. Это понятие также относится к растительным, животным и земным видам и к настоящему времени генам и геномным кодам, составляющим базовую архитектуру жизни, или, скорее, ее «эпигенетические ландшафты» (epigenetic landscapes). Отсылка к эпигенетике (см. [статью об эпигенетическом ландшафте](#)) важна для это-

го глоссария тем, что вносит свой вклад в критику антропоцентрического генетического детерминизма и подчеркивает, что даже на генетическом уровне человек уже взаимосвязан с более широким материальным миром, с его историями и событиями³. В более широком смысле этот глоссарий предполагает, что человек всегда частично состоит из не-человеческого и что взаимодействие слишком сложно, чтобы сводить его к простой диалектической оппозиции. Тем более что сегодня в состав не-человеческих других также входят и технологически произведенные «другие» – как модернистские приборы и предметы, так и постиндустриальные «умные» вещи. Последние играют решающую роль в определении постчеловеческого момента, подчеркивая первенство цифровой медиации и электронных схем в нашем самоопределении и взаимодействии. Следовательно, одна из задач «Глоссария» – разработать адекватные теоретические и художественные представления для новых форм взаимосвязи между людьми и не-человеческими факторами и агентами.

Границы между «бесчеловечным» (inhuman) и «не-человеческим» (non-human), однако, проницаемы и подвижны. Многие ученые используют их взаимозаменяемо, чтобы говорить про отличную-от-человеческой или менее/более-чем-человеческую жизнь, привлекая избранные аспекты геологии, антропологии, теологии, зоологии и биологии

³ С благодарностью Стейси Элеймо.

к задаче достижения адекватного понимания этих терминов. В «Глоссарии» мы пытаемся обозначить критические различия и под «бесчеловечным» подразумеваем двойной феномен, вызывающий и аналитические, и нормативные вопросы. Аналитически этот термин обозначает дегуманизирующее воздействие структурной несправедливости и исключение целых слоев человеческого населения, не пользующихся человеческими привилегиями и не считающихся полноценными людьми. Гендерные и сексуальные отличия, расовая и этническая принадлежность, класс и образование, здоровье и обладание полноценными телесными возможностями – ключевые маркеры и привратники приемлемой «человечности». Эти термины указывают на доступ к правам, прерогативам и привилегиям бытия человеком. Те, кто исключен из доминирующего понятия человека, исходя из маскулинистских, классовых, расистских и евроцентристских параметров, считают свою жизнь стоящей ниже в сравнении с человеческой *bios*, ближе к животному существованию, то есть к *zoe*. Это понимание структурных исключений бросает вызов универсалистским претензиям гуманистической традиции. Эта критическая позиция также лежит в основе биополитического анализа современных отношений власти, подпитывая критику ограничений гуманистической мысли и практики.

Однако с нормативной точки зрения бесчеловечное также подвергает осуждению негуманные (*inhumane*), несправед-

ливые практики нашего времени. Если быть точнее, подчеркивает насильственную и даже убийственную структуру современных геополитических и социальных отношений, также известных под именем «некрополитики». Сюда относятся растущая экономическая поляризация и «изгнание» людей из их домов и родных стран в условиях подъема глобальных «неоколониальных» отношений власти. Удержать эти разные измерения «бесчеловечного» и его социальных последствий в некоем критическом равновесии – одна из задач этого «Глоссария».

Многие из авторов обращаются к био- и некрополитике сегодняшнего дня, особенно к острой корреляции между переопределением взаимодействия человека с его экологическим и технологическим окружением, с одной стороны, и жестокостью сегодняшних отношений власти, с другой. В «Глоссарии» «общество метаданных» цветет рядом с горами «цифрового мусора», а явление, известное как «нейронная эстетика», работает в паре с «зоной отчуждения», явно не беспокоясь о внутренних противоречиях. Иными словами, концептуальные и терминологические инновации, введенные авторами, – это положительные исследования происходящих сейчас новых событий, но они также не уходят и от оценки их негативных последствий. Например, в статьях говорится о сосуществовании двойной медиации: вездесущих цифровых сетей и процессов биогенетической регенерации, с одной стороны, и масштабного разрушения окру-

жающей среды, с другой. Терминологическое разнообразие очень креативно: некоторые авторы делают акцент на новых «общих экологиях» и «устойчивости», тогда как другие фокусируются на «вымирании» человеческих и не-человеческих видов. Глобальные миграционные потоки, также известные как «эффект Лампедузы», рассматриваются в контексте устойчивых паттернов экономического, сексуализированного и расового угнетения. Потоки данных в виртуальном пространстве сосуществуют с режимами привязанного к земле, пространственного управления, основанного на все время возрастающих заточении и исполнительных практиках «исполнения». Непрерывающаяся «война» с террором идет параллельно с распространением масштабных систем «безопасности и надзора», если называть лишь некоторые из значимых маркеров нашего времени.

Следствие внутренне противоречивых процессов постчеловеческой эры заключается в том, что они способствуют разрушению человеческого как концепта. Оно больше не является знакомым понятием, известным ранее и воспринимавшимся как само собой разумеющееся, и оно более не является общим (Braidotti 2013; Брайдотти 2021). Драматические трансформации наших био- и некрополитических режимов знаменуют «постчеловеческое состояние», объединяющее захватывающие новые события и болезненное повторение старых, нерешенных проблем. «Глоссарий» оценивает этот момент как начало конца самореферентного высокоме-

рия доминирующего европоцентричного понятия о человеке и открытие новых перспектив.

Если и есть что-то общее у искусства, науки и академических гуманитарных дисциплин, то это то, что все они взаимодействуют с конструированием и репрезентацией человеческого в соответствующих областях. Художники и ученые-гуманитарии также отражают друг друга в их взаимных исследованиях того, как люди обрабатывают, документируют и анализируют свой человеческий опыт. Однако отсылки и апелляции к этой конкретной идее человека относятся к блоку понятий «здорового смысла», которые постоянно используются, но никогда не получают серьезного определения. Термин «человеческое» по-прежнему слишком часто принимается и используется без критического анализа его внутренних разломов и конститутивных иерархий. «Человеческое» как понятие приобретает имплицитно нормативный статус – чем людям следует быть или не следует, а также чем они в действительности могут оказаться. В академических исследованиях в области гуманитарных наук гегемония гуманистических ценностей в определении человеческого такова, что решиться оспаривать это понятие и ценность гуманизма можно только на свой страх и риск. Как уже говорилось выше, цель «Глоссария» двойная: он представляет множество разнообразных ответов на критику гуманизма и антропоцентризма, пытаясь в то же время обрисовать теоретически целостную позицию в отношении постчеловека. Оба

подхода основаны на убеждении, что ни ограничения, устанавливаемые антропоморфной природой человека, ни чрезмерности его антропоцентрических амбиций никогда не были предметом последовательного анализа и критики.

В результате такого диапазона точек зрения постчеловеческое – далекое от стабильной и цельной идентичности – проявляет себя в огромном количестве разрозненных вопросов, которые не всегда можно объединить в одно тематическое поле. Таким образом, центральная ось размышлений в «Глоссарии» проходит через критический обзор и оценку многочисленных дискурсов, которые в настоящее время вращаются вокруг самого понятия антропоцена. Насколько оно полезно? Данная книга поднимает не теряющие критической актуальности вопросы о том, действительно ли осознание коллективной экологической, социальной и аффективной ответственности усиливает этическую агентность и политическую сознательность. Кроме этого, насколько инклюзивно и репрезентативно «поколение антропоцена»? Важность этих вопросов сопоставима с витальностью этой области: даже будучи относительно недавним неологизмом, антропоцен уже успел стать новым «антропомемом» (Macfarlane 2016). Он породил несколько альтернативных терминов, таких как «капиталоцен» (Haraway 2015a, 2015b), «антробцен» (Parikka 2014), а также «плантациоцен» (Tsing 2015; Цзин 2017), «мантропоцен» (manthropocene) и «пластицен» (plasticene). Это изобилие не способствует линейной

стабильности, но, скорее, благоприятствует интеллектуальному и художественному творчеству.

Подходя серьезно к картографической цели «Глоссария» в разборе текущего состояния исследований, мы также стремимся указать на отсутствующие звенья и исключения. В этом смысле «Глоссарий» пытается бросить вызов современным властным проявлениям, отдающим предпочтение европоцентричным традициям критической мысли и последовательно не использующим работу «деколониальной критики», «неоколониальной» политики и исследований чернокожих (black studies). Мы категорически против монокультур, особенно в вопросе постчеловеческого сознания (Shiva 1993). Хотя в «Глоссарии» предлагаются несколько статей о постколониальных и расовых областях постгуманистических исследований, мы осознаем наши критические упущения и рассматриваем их как ограничение этого сборника – буквально как вопрос конечности. Как и все картографии, «Глоссарий» предлагает лишь частичный отчет и обзорный взгляд на эту область в данный момент времени⁴.

«Глоссарий постчеловека» также пытается перекинуть мосты через ряд других недостающих звеньев. Во-первых, он преследует цель соединения исследований и критической мысли с реальными проблемами и практическими примерами, имеющими непосредственное отношение к индивидам и обществу сегодня. Хотя сегодня идет много разговоров

⁴ С благодарностью Шэннон Уиннабст.

о «влиянии» академической работы на реальный мир, пропасть между ними остается огромной. Это издание начинается с заполнения этой пропасти. Во-вторых, цель «Глоссария» – соединить художественную и кураторскую практику с научными исследованиями, технологическими инновациями и исследовательской работой. Это подразумевает непредвзятое отношение с обеих сторон и веру в то, что эти диалоги могут принести много пользы. Предположение о том, что нам нужно экспериментировать с разными способами мышления, отводит современным художникам решающую роль в глазах ученых, сражающихся со сложившимися протоколами академической работы и языка. Верно и обратное утверждение.

В-третьих, целью «Глоссария» является соединение разных поколений мыслителей и пользователей человеческих и не-человеческих технологий. Это особенно актуально теперь, когда электронные сети вступают в свое энное рабочее поколение, а все новые генерации человеческих и нечеловеческих онлайн-пользователей получают имя «цифровых аборигенов». Важно изучать и прорабатывать их соответствующие оценки нашего нынешнего затруднительного положения и исследовать последствия того факта, что индексированные по возрасту различия сегодня структурируются значительными инфраструктурными расхождениями, такими как доступ к биомедицинским технологиям, которые продлевают и сегментируют жизнь, с одной стороны,

и накапливают долги, с другой. Такие структурные неравенства еще больше усложняют межпоколенческие отношения. Здесь постгуманистический подход предлагает свежий взгляд на оценку межпоколенческой справедливости в антропocene и в контексте великого цифрового разрыва. Также возникает потребность проанализировать последствия высокого уровня технологической грамотности в молодежной культуре миллениалов для их отношения к знаниям и опыту критически мыслящих старших поколений и, например, для формулировки «социально справедливой педагогики».

Широта терминов, охват и цель «Глоссария» носят не только количественный, но и качественный характер: мы хотим десегрегировать разные узко специализированные сферы производства знания, чтобы собрать вместе различные сообщества мыслящих людей и практиков, которые иначе могут и не встретиться. Как мы уже упоминали ранее, это особенно касается взглядов, развившихся на основе деколонизальных, черных и расовых исследований, которые часто маргинализируются и в новых медиа, и в работах о постгуманизме. Это также касается художественных и кураторских сообществ, которые нередко кажутся физически отделенными от академического мира и наоборот. Мы также надеемся пробудить этими неожиданными встречами некую трансдисциплинарную энергию и вдохновение, чтобы обновить спектр критических исследований и продвинуться в сторону более инклюзивной постгуманистической критической тео-

рии. Темп такой быстрый, что от скорости дух захватывает. Данный «Глоссарий» – это отважная попытка совладать с этой скоростью и достигнуть некой временной «метастабильности», объединив картографический подход с критической реакцией.

Междисциплинарные узлы

Как следует из сказанного выше, понятие постчеловеческого расширяется с точки зрения как объема производимых исследований, так и открываемых им новых качественных перспектив. Терминологическое разнообразие достойно восхищения, и оно идет рука об руку с многообразием жанров и теоретических стилей. На данном этапе можно говорить, к примеру, о постчеловеческом манифесте (Pepperell 2003), о школе вне-человеческой мысли (Lyotard 1991; Grimaldi 2011), акценте на не-человеческой агентности (Raffnsøe 2013), пост-человеческой персональности (Wennemann 2013), «новом» человеке (Rosendahl Thomsen 2013), а-человеческом (MacCormack 2014), о дисгуманности (Goodley, Lawthom, Runswick-Cole 2014) и постчеловеческих номадических субъектах (Braidotti 2013; Брайдотти 2021). Наряду с этими относительно знакомыми терминами есть быстро растущий мир неологизмов и креативных вторжений.

Со 141 автором и более чем 160 статьями наше издание

является свидетельством бурного роста этого нового исследовательского поля и предлагает свою собственную дискурсивную стратегию работы с этим теоретическим и терминологическим изобилием. Как утверждалось с самого начала, одна из целей «Глоссария» – предоставить обзор различных критических терминов, многочисленных «поворотов» и ведущих концептов постгуманистической критической мысли и сегодняшних исследований в области гуманитарных наук в диалоге с современными художественными и активистскими практиками. Спектр теоретических источников, используемых авторами, может быть ограничен, но он не случаен. Выбор теоретических источников был оставлен на усмотрение каждого автора, но «Глоссарий» уделяет большое внимание неоматериалистическому подходу и процессуальным онтологиям, которые являются точкой конвергенции для многих из наших авторов. Это издание было задумано в мае – июне 2015 года как серия из четырех семинаров, организованных Центром гуманитарных наук в Утрехтском университете и Центром современного искусства ВАК (basis voor actuele kunst) в Утрехте. Десятки блестящих текстов и арт-перформансов нашли свое место в гибких рамках этих семинаров, и желание расширить и продолжить дискуссии привело нас уже к этому коллективному предприятию⁵.

⁵ «Глоссарий» также доступен в формате электронной книги, и некоторые его части можно найти на сайте Bloomsbury Academic. Больше информации об оригинальных семинарах можно найти на сайте Центра гуманитарных наук Утрехтского университета (<http://cfh-lectures.hum.uu.nl>) или Центра современного ис-

Хотя мы остановили выбор на алфавитном порядке статей, в сделанной нами подборке и в структуре, выбранной для «Глоссария», есть ряд ключевых принципов. Прежде всего, чтобы обеспечить точную картографию этой области, мы попытались отразить нынешнее состояние науки и обсудить ведущих исследователей, в ней работающих. В тех случаях, когда нам не удавалось получить оригинальные тексты самих этих авторов, мы составляли специальные статьи об их работе. Наряду с этим есть более критические, творческие и даже экспериментальные статьи, чья цель – разработать новые схемы мышления для решения современных задач. Многие из них направлены на выполнение этической задачи исследования связи между новыми концептами и реальными жизненными условиями. Сводная библиография в конце издания – попытка максимально полно отразить оба этих аспекта «Глоссария».

С точки зрения профессиональной этики «Глоссарий» уважителен и открыт для потенциально противоречивых трактовок непростого постчеловеческого положения как по понятийным, так и политическим основаниям. Это значит, что в этом издании представлен широкий спектр академических дисциплин. Однако множество новых дискурсов, именующих себя «исследованиями» (гендерные, постколониальные, медийные исследования и т. п.), выросли в промежуточных пространствах между дисциплинами и играют роль

инкубаторов для новых идей, методов, образов и представлений (Braidotti 2016b). В настоящее время их пересечения открывают захватывающие новые перспективы в исследованиях постчеловека.

В различных статьях этого издания появляются некие мета-шаблоны. Мы обнаружили ряд важнейших междисциплинарных узлов (hubs), играющих роль креативного ядра, и поэтому приняли их в качестве ориентиров для «Глоссария». Это не какие-то дискретные и четко определенные области, а, скорее, ризоматические линии, зигзагом проходящие через работы многих авторов, что позволяет отнести их сразу к нескольким направлениям. Примеры таких междисциплинарных узлов – это, например, сравнительное литературоведение и исследования культуры, ставшие пионерами постгуманистических исследований (Wolfe 2003, 2010; Herbrechter 2011; Nayar 2013) и внесшие новшества в методы и темы, особенно в экологическую критику, исследования животных и «экоматериализм» (Iovino, Opperman 2014a; Alaimo 2010). Другая новаторская область – исследования новых медиа. Они приняли более материальный оборот, чтобы объяснить политическую экономию человеческого/не-человеческого взаимодействия и «сетевого аффекта» для нашего времени (Парикка, Паасонен, Фуллер, Габрис, Терранова в этом издании). Исследования окружающей среды – еще один важнейший инноватор постчеловеческого мышления, как первое поколение теоретиков Геи (Lovelock 2009), так и более

новые работы о пост-антропоцентричном как метаморфной сущности (Clarke 2008), многовидовом анализе (van Dooren 2014) и зоо-онтологиях (De Fontaney 1998; Gray 2001, Wolfe 2003).

Исследования науки и технологий можно рассматривать в качестве питомника постчеловеческих интуиций, что подтверждается основополагающими работами Донны Харауэй (Haraway 1985, 1989, 1997, 2008; Харауэй 2017), Изабель Стенгерс (Stengers 1987) и феминистскими культурологическими исследованиями науки (Franklin, Lury, Stacey 2000). Недавние исследования возвращаются к Дарвину (Creed 2009; Midgley 2010; Grosz 2011), автору, получившему мало критического внимания в гуманитарных науках, за исключением новаторских работ Джиллиан Бир (Beer 1983), Стивена Джея Гулда (Gould 1997) и Хилари Роуз (Rose 2000).

Феминистская, гендерная и ЛГБТ+ теории, а также пост-колониальные исследования – вот еще один критический междисциплинарный узел. Феминистки уже давно занимаются теоретическими рассуждениями о не-человеческом и, в частности, о континууме между человеческим и не-человеческим (Balsamo 1996; Braidotti 2002; Grosz 2011; Halberstam, Livingston 1995; Halberstam 2012). Этот тренд сейчас набирает обороты в квир-постчеловеческих и ингу-манистических теориях (Giffney, Hird 2008; Hird, Roberts 2011; Gruen, Weil 2012; Livingston, Puar 2011; Colebrook 2014) и акцент делается на «постчеловеческой сексуаль-

ности» (McCormack 2012). Поворот к новому материализму (Dolphijn, van der Tuin 2012; Coole, Frost 2010; Neimanis 2014; Laboria Cuboniks 2015) и аффективный поворот (Clough 2008) тоже значимы. Внимание к телесному материализму (Braidotti 1991, 1994) и плотскому мышлению (Sobchack 2004) преобразуется в «пульсирующую материю» (Bennett 2010; Беннетт 2018), изобретательную жизнь (Fraser, Kember, Lury 2006), «транскорпореальность» (Alaimo 2010) и «постгуманистическую перформативность» (Barad 2007). Конечно, этот список не исчерпывающий, и он демонстрирует ошеломляющую витальность новых мыслителей – вроде тех, что написали манифест «ксенофеминизма», в равной степени вдохновленный как Леди Гагой, так и классиками феминистской мысли.

Краткий обзор этих междисциплинарных узлов преследует еще одну цель. Мы надеемся, что он сможет служить навигационным инструментом, который поможет неспециалистам не сбиться с пути от относительно знакомых междисциплинарных дискурсов к более «диким», трансдисциплинарным областям постчеловеческих исследований. Другими словами, библиографические ссылки на эти трансдисциплинарные узлы позволяют отследить такое же число дорожных карт, ведущих наружу, за границы академических дисциплин и критических областей «исследований».

Множественные оси / Multiple axes

Смущающее разнообразие междисциплинарных сокровищ, предлагаемых быстро растущей областью постчеловеческих исследований, многообразно и многослойно. В связи с этим «Глоссарий» пытается в работах разных авторов установить баланс между обзором и определением неких мета-шаблонов или зарождающихся теоретических направлений.

Как уже говорилось выше, теоретические направления, выносимые нами на передний план, вращаются вокруг неоматериализма, «экософии» и монистических философий, возникших по следам философии Делёза и Гваттари, определяющей повестку. Некоторые работы однозначно заявляют, что монизм – это философское обоснование «постгуманистической критической теории» (Брайдотти, Долфейн, МакКормак и другие), потому что он дает возможность переосмыслить материю как самоорганизующуюся процессуальную онтологию. Монистическая онтология, будучи как материальной, так и витальной, предлагает возможности обоснования телесного и погруженного в конкретные обстоятельства постчеловеческого субъекта в процесс (Braidotti 2006b). Более того, фокусируясь на динамическом взаимодействии Сходства и Различия, монизм выходит за рамки схемы диалектической оппозиции, подчеркивая вместо этого порожд-

дающую силу самой живой материи (Ansell Pearson 1997, 1999). Будучи свободной от различия между естественными и сконструированными событиями, монистическая философия умной, самоорганизующейся материи порождает материалистическую политическую физику и «политический аффект» (Bonta, Protevi 2004; Protevi 2001, 2009, 2013).

Влияние идей Делёза и Гваттари, которое сильно ощущается в этом издании, тем не менее не исключительно. Несколько авторов следуют другими путями «материальной значимости», то есть исследования материи как динамического процесса. Задействованы и многие другие процессно-ориентированные онтологии, например в отсылках к таким авторам как Деррида, Уайтхед, Витгенштейн, Мейясу, Латур, Харауэй и др. Важная точка их теоретического схождения – это необходимость преодолеть бинарности и утверждать, что материя, мир и сами люди не являются дуалистичными существами и что они, скорее, материально укорененные субъекты-в-процессе, вращающиеся в сетях отношений с силами, сущностями и столкновениями.

В контексте антропоцена, то есть на фоне усиливающейся деградации окружающей среды, стоит усомниться и отказаться от векового разделения между природой и культурой. Этому критическому шагу способствует ряд факторов. Такие факторы имеют место во многих областях – «искусственный интеллект», достижения в области наук о жизни, особенно в генетике, внедрение масштабной технологической

медиации в виде бытовой электроники, подъем нейронауки и вычислительной культуры. В критической теории, как и художественной практике, понятие природно-культурного континуума стало уже вполне общепринятым, хотя его последствия редко подтверждаются. Современные исследования постчеловека развивают этот континуум, вводя на смену старым разграничениям такие термины, как «медиаприроды», «экоматериализм» и *makehuman*.

Таким образом, методологическим вызовом «Глоссария» становятся теоретическое и художественное представление глубоких взаимосвязей между человеческими и не-человеческими факторами и агентами и прежде всего вопрос, как выполнить эту задачу, помня о структурных неравенствах, контролирующих доступ к доминирующей категории «человека». Принимая сдвиг в сторону монистических, неоматериалистических, холистических и «процессуальных онтологий», нам также нужно переопределить сами термины взаимоотношений «природа – культура» и «человек – не-человек». Многие авторы в этой книге обращаются к вопросу о том, как новые формы взаимосвязей и взаимодействия между человеком и не-человеком переопределили модели мышления и практики в современных исследованиях и искусстве. Другие стремятся выяснить, до какой степени процесс-ориентированные, объектно-ориентированные, неоспинозистские, виталистски-монистические философии могут выдержать сдвиг в сторону постчеловеческих этиче-

ских отношений и постчеловеческой политики.

Человек – не-человек; природа – культура; медиаприроды – весь этот континуум подразумевает влияние сетевых культур. Цифровая медиация установила новую общественную сферу, опираясь на особенности своих «алгоритмических исследований» и своей культуры. В связи с чем возникает новый круг вопросов, охватывающих как материальный, так и нематериальный аспект этого посредничества. Например, многие авторы исследуют корреляцию между встроенными дискурсами, практиками «цифрового гражданства» и многочисленными формами «незарегистрированного гражданства». Цифровой активизм таких групп, как Anonymous, сосуществует наряду с движением Оссиру в общественной сфере, которая глубоко материальна, но полностью медиатизирована.

В центре общественных споров о цифровой публичной сфере находится вопрос о том, каково может быть социальное, правовое, этическое и политическое значение для «политических тел» «гиперсоциальных» субъектов в эпоху «после интернета». Ключевая проблема состоит, например, в том, как оценивать различные цифровые повестки, задаваемые правительствами, корпорациями, военными, глобальными СМИ и самими пользователями. Чрезмерный акцент на таких корпоративных приоритетах, как прозрачность и цифровые права в публичных дебатах, может работать в ущерб более фундаментальному анализу того, как нынеш-

нее технологическое посредничество реструктурирует постчеловеческую субъективность. В этом отношении «Глоссарий постчеловека» резко дистанцируется от «трансгуманизма» и его проекта по улучшению человека, служащего корпоративным интересам сектора робототехники и более детерминистских направлений современных исследований мозга (см. Феррандо в этом издании).

Далее, по мере того как передовые вычислительные сети стали обеспечивать базовую логистическую инфраструктуру для глобальной экономики – как для фондовой биржи, так и военной техники, как в случае полуавтоматических дронов, – тема их относительной независимости от прямого человеческого контроля поднимает ряд этических и политических вопросов. В этом отношении «Глоссарий» предлагает ряд моделей сопротивления, выбранных из современной критической мысли, искусства и медиа-активизма. Таковы, например, «безгосударственное состояние» и «права постчеловека», а также «постанимализм» и «робофилософия». Вопрос о том, как хоронить цифровых мертвецов, также привлекает много внимания. Он касается нефункционирующих адресов электронной почты, ссылок и страниц в социальных сетях, а также мертвых кодов, устаревших технологий, программ и других форм «статического свечения». Электронная Pietas тоже никуда не денется.

Эти вопросы неизбежно приводят к проблеме биополитического управления жизнью – посмотрите, например, на

приобретающие все большую важность «пищевые исследования» и «носимые технологии». В частности, они исследуют современную некрополитическую систему «гувернментальности» (governmentality), то есть управление смертью и умиранием, которое часто опирается на алгоритмические культуры и цифровую безопасность. Технологии всегда были связаны с военным делом и контролем над населением, но сегодня эта связь претерпела значительные мутации. Следовательно, многие статьи в «Глоссарии» посвящены влиянию современных цифровых технологий на механизмы и методы надзора и мониторинга социального пространства, приграничных районов и зон боевых действий. Другие авторы обращаются к вопросам о видах изменений, произошедших с визуальными технологиями в процессе превращения их в устройства слежения. Вопрос об определении подходящих объектов изучения в отношении культуры безопасности, слежки и надзора, борьбы с терроризмом и милитаризации социального пространства влечет за собой другой, связанный с ним вопрос – об ответственности критических мыслителей, изучающих эти проблемы. Как критическим теоретикам и художникам-практикам эффективно обратиться к ключевым точкам современной политической экономики визуальной репрезентации и ее влиянию на формирование постчеловеческого субъекта?

Чтобы ответить на этот животрепещущий вопрос, необходимы новые критерии оценки вычислительного поворота в

медиа и культурных исследованиях, затрагивающих вопросы власти и безопасности. Постгуманистический «Глоссарий» предлагает множество ресурсов для решения этой задачи: от исследований «биологических искусств» до очень разнообразных теоретических построений, таких как «рационалистический ингуманизм», «имманентный гуманизм», и это лишь некоторые из них.

Потребность в творчестве

Другой важный принцип данного «Глоссария» – это убежденность в том, что мы не можем решать проблемы, используя тот же тип мышления, которым пользовались, создавая их, как это ясно сформулировал Альберт Эйнштейн⁶. Нам нужны новые термины. А новые терминологии требуют концептуальной креативности, что означает доверие силе воображения, а также опору на академические регалии и конвенции. Такая креативность – это не дополнительная опция, а когнитивная и этическая необходимость, нужная для того, чтобы идти в ногу с формирующейся исследовательской практикой. Мы считаем, что междисциплинарные узлы, о которых мы писали выше, обеспечивают полезную связь между критикой и творчеством, превращая меж- и трансдисциплинарные исследования в особенно плодотворный ис-

⁶ The Real Problem is in the Hearts of Men. New York Times Magazine. June 23, 1946.

точник концептуального творчества.

Исследователи постчеловеческого изобретают новые слова и придумывают новые концепты не ради них самих и не из-за неуважительного нетерпения по отношению к ограничениям прошлых схем. Экспериментальный подход – это, скорее, неотъемлемая часть попытки адекватно передать наши реальные жизненные условия в это быстро меняющееся время. Мы могли бы зайти довольно далеко и предположить, что некритическое отношение к принятым терминологическим обозначениям выдает некую форму интеллектуальной лени, этически несостоятельной, учитывая безотлагательность некоторых проблем, с которыми мы сталкиваемся. В «Глоссарии» ответственность работает в tandem с производством адекватных интеллектуальных картографий. Соответственно, мы призывали авторов экспериментировать только с тем, что мы можем описать как обоснованный, прагматичный и ответственный подход к теоретическому творчеству. Мы хотим изучить то множество способов, которыми коллективное воображение способно черпать терминологическое вдохновение из всего разнообразия теоретических и жизненных источников.

Данный «Глоссарий» преследует эту цель в двустороннем исследовании: с одной стороны, книга ставит под сомнение способность любой отдельной области производства современного знания – будь то искусство, наука или академические гуманитарные дисциплины – провести релевантный

анализ, не говоря уже об адекватных решениях. Более чем когда-либо сейчас нам необходимо объединить междисциплинарные исследования и даже стремиться к более трансдисциплинарному подходу, чтобы охватить всю сложность стоящих перед нами проблем. Параллелизм науки, философии и искусства, который так дорог Жилю Делёзу и Феликсу Гваттари, как никогда актуален в этом стремлении.

С другой стороны, мы настаиваем на том, что еще больше разного рода усилий требуется, чтобы добиться новых способов мышления: нам могут понадобиться ресурсы из экспертных областей, не всегда соответствующих научным стандартам качества. Одна из этих областей – искусство: «Глоссарий» активно исследует взаимосвязь между академической работой и теорией и практикой искусства, изучая, какие конкретно виды исследований развиваются при помощи художественной и кураторской практики. Учитывая важность экспериментов с новыми способами мышления, которые выходят за пределы существующих категорий, читатели «Глоссария» найдут несколько визуальных эссе, исследующих концепты, относящиеся к проблемам постчеловечества при помощи языка изобразительных искусств (от «геомифологий» до «обсерватории антропоцена», от «лесов как полиса и политики» до «гиперморья»). Некоторые авторы поднимают следующие вопросы: каковы предполагаемые сюжеты и предполагаемые предметы искусства и как они пересекаются – или не пересекаются – с академической наукой? Что

могут сделать художественная практика и научное исследование, чтобы укрепить и вдохновить друг друга в вопросах вне-/не-/постчеловеческого? Какие методологические и политические союзы нам необходимо поддерживать, чтобы создать надежную понятийную и экспериментальную терминологию, способную соответствовать сложности нашего времени? «Глоссарий» дает широкий спектр ответов на эти ключевые вопросы.

Множественные гуманитарные науки

Амбициозная цель заполнить недостающие звенья и соединить несколько сообществ возвращает нас к некоторым фундаментальным вопросам о самих себе, а именно к вопросу «Кто именно есть “мы”?». В некотором смысле постоянный акцент на общей идее постчеловеческого и антропоцена – несмотря на все вариации и игру слов – становится еще одним способом увековечить нарциссическую форму антропоцентризма. Это обобщенное понятие влечет за собой дополнительный риск того, что, создавая новый смысл и образ всечеловеческой взаимосвязи, оно способно фактически стереть категориальные различия, структурную несправедливость и неравенство в доступе к природным и искусственным ресурсам (Shiva 1997; Chakrabarty 2009, Чакрабарты 2020; Braidotti 2013, Брайдотти 2021; Haraway 1985, 2015a; Харауэй 2017).

Таким образом, «Глоссарий» фокусируется на том, как современная наука и искусство реагируют на постчеловеческое затруднение – не только пропозициональным содержанием своих аргументов, но и гибридными и сложными методами, при помощи которых они разбираются с этими вопросами. Предположение о том, что социальное воображаемое антропоцена создается образами и метафорами, представлениями и ожиданиями, возникающими в искусстве, литературе, кинематографе и новых медиа, имеет критические последствия с точки зрения их социальной ответственности. Эта книга поднимает серьезные вопросы о том, как академические гуманитарные дисциплины реагируют на эту ситуацию и как они оценивают роль культуры в формировании современного социального воображаемого. Некоторые авторы задаются вопросом, какие изображения можно считать символами постчеловеческого состояния: является ли иконой восхитительный блестящий корпус кибернетического механизма? Или следует отдать предпочтение более скромному символу – противозачаточной таблетке?

Памятуя о том, что «человек» никогда не был термином нейтральным, а, скорее, понятием, которое указывает на доступ к полномочиям и власти, и не забывая, что «мы» не являемся людьми в одинаковой степени, охвате и масштабе, «мы» имеем проблемы как с представлением самих себя, так и с признанием обесцененных «других». Эта критическая интуиция имеет политическое значение, учиты-

вая, что в настоящее время в публичных дебатах выражается много когнитивной и моральной тревоги по поводу состояния здоровья человека (Armstrong, Montag 2009), сегодняшнего статуса Антропоса (Rabinow 2003; Rose 2007; Esposito 2008a), кризиса гуманистического взгляда на человека (Habermas 2003, Хабермас 2002; Sloterdijk 2009a; папа Франциск 2015), страха перед постчеловеческим будущим (Fukuяama 2002) и возможного вымирания (Klein 2014). Результатом этих зачастую реактивных взглядов являются попытки спешно составить новое всечеловечество, объединенное страхом и тревогой за собственное выживание. Таким образом, как следствие подобной позиции, из пепла своего антропоценового самоуничтожения возникает новое «человечество». В «Глоссарии» мы хотим противостоять таким обобщениям, принимая на себя ответственность за множество проблем, с которыми мы столкнулись – вместе. Хотя «мы» и не одинаковы, в *этом* мы вместе.

Соответственно, «Глоссарий» собрал авторов, которые предлагают широкий диапазон альтернативных взглядов, возникающих в результате имплозии категории «человек» и множества форм бесчеловечных, не-человеческих и постчеловеческих субъективных позиций. Такая диверсификация является и количественной, и качественной: она выражает геополитические и социально-экономические различия, поддерживая при этом общие интересы в постантропоцентрическом мировом порядке. Анализы био- и некро-

власти пронизывают весь «Глоссарий». Они принимают неоматериалистическую форму укорененных или имманентных взаимосвязей, которые являются как контекстно-встроенными, так и телесными, реляционными и аффективными картографиями зарождающихся новых властных отношений. Значимые маркеры человеческой «нормальности», основанные на традиционных взглядах на класс, расу, гендер, возраст и физические возможности, остаются ключевыми факторами в формировании понятия и контроле доступа к тому, что мы можем назвать «человеком» или «человечностью». Таким образом, хотя нельзя отрицать глобальной распространенности проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня, что указывает на то, что «мы» вместе находимся в *этом* антропоцентрическом кризисе, в равной степени верно и то, что такое осознание не должно сглаживать силовые дифференциалы, поддерживающие коллективный субъект («мы») и его усилия («этот»). Нам нужен более четкий анализ политики наших локаций и адекватное представление их противоречий.

Таким образом, ключевыми для этого проекта являются вопросы: как в постчеловеческой вселенной проявляются различия во власти, основанные на расе, классе, гендере, сексуальности, этнической принадлежности, религии, возрасте и физических возможностях? Как мы можем одновременно анализировать насилие этого времени и противостоять ему? Какое место в этом противостоянии занимают ис-

кусство и наука и какую роль они могут сыграть? Какие эпистемологические и методологические трансформации должны произойти с практиками, чтобы прекратилось воспроизводство бесчеловечных (inhuman) структур нашего времени? Статьи «Глоссария» демонстрируют необходимость признать, что на карту могут быть поставлены множественные и потенциально противоречивые проекты, сложным образом составленные из человеческого, бесчеловечного, не-человеческого и постчеловеческого, действующих прямо сейчас.

Множественные аффекты

Многослойные и многовекторные направления мысли «поколения антропоцена» также способствуют установлению интенсивной аффективной экономики, находящей выражение в концептах или образах. Что собой представляет сенсорный и перцептивный аппарат постчеловеческих субъектов? Обзор литературы обнаруживает некоторые фундаментальные изменения нашего «внеземного аромата», «сенсорных практик» и аффективных реакций. Нас бросает то в эйфорию, то в отчаяние в маниакально-депрессивном цикле безумия и страха, нарциссизма и паранойи. Шизоидные петли и системные двойные зажимы вместе с ксенофобской паранойей характеризуют политическую экономию аффектов при развитии капитализме.

Они воплощают двойной императив глобального потре-

бительства и врожденной отсрочки коммодифицированного удовольствия, формирующего пристрастие к повторению без различия. Работы Делёза и Гваттари, предлагающие критику капитализма как шизофрении (1980), – весьма актуальный анализ этой извращенной политической экономики.

Постчеловеческое – это не только режим критического мышления, но также настроение аффективной принадлежности. Оно вводит многогранный «аффективный поворот», объединяющий эмоции, воспринимаемые как противоположности: ностальгию со страстью к утопическому видению, политику жизни вместе с призраком массового вымирания, меланхолию с предвкушением, оплакивание прошлого с бруталистской жадью того, чего еще нет. В этом отношении Пафос и Танатос смотрят друг другу в глаза, а Эрос отводит взгляд. Этот «Глоссарий» – это в такой же степени риторическое и эстетическое исследование постчеловеческого состояния, как и буквальное описание его определяющих черт и аналитических условий возможности. Эко-элегическому тону одних наших авторов эхом отзывается предчувствие «эко-хоррора» у других. Новые аффекты требуют новых языков: как назвать это неотвязное чувство экологических воспоминаний о ландшафтах, преобразенных бурным развитием? Эко-ностальгией? Памятью о деревьях прошлого? Геофизической семиотикой? Портретом юной пустоши? Колониальными трансфигурациями? Войнами шрамов (scar wars)? Терра-делириумом? А как описать это щемящее

чувство от мыслей о неустойчивости нашего будущего? По-стантропоцентрическая тошнота? Синдром вымирания-аттракции? Глобальная перегрузка непристойностями? Людям здесь не место?

Аффективное измерение занимает центральное место среди целей «Глоссария» и не может быть отделено от понятийного творчества. В эпоху, которая все больше определяется критикой антропоцентрической апатии и признанием жизненной силы материи и не-человеческой агентности, эта книга стремится исследовать новые критические точки зрения и творческие взгляды на аффект, возникающие в промежутках между теорией, наукой и искусством. Наши авторы утверждают, что эти области объединяют силы в ответе на вызов нашей коллективной «экопатии». Или, перефразируя Донну Харауэй, почему машины такие живые, а люди такие инертные?

«Глоссарий» пытается найти баланс между этими многочисленными теоретическими направлениями, меняющимися настроениями и чрезмерно активными междисциплинарными центрами/узлами. В этом издании мы хотим подумать и подчеркнуть взаимосвязь между нашим восхищением новыми технологическими артефактами, ухудшением состояния окружающей среды, экономическими неравенствами, структурной несправедливостью и возрождением неравенства сил, которое, как утверждалось, осталось в прошлом. Другими словами, страсть, ставшая основой этого издания,

по сути, этическая: как можно совладать с захватывающими дух трансформациями нашего времени, имея при этом возможность терпеть и сопротивляться? Как удержать в голове вопросы социальной, феминистской, квир-, транс-, деколонизальной, антирасистской, межвидовой, транснациональной справедливости по отношению к лицам с ограниченными возможностями, поспевая за удивительными биологическими, медийными, коммуникационными и когнитивными технологическими прорывами нашего времени?

Перед лицом такой сложности и богатства новых перспектив, возникших в ходе постчеловеческих исследований, «Глоссарий» ставит еще один важный вопрос: жизнеспособны ли сегодня многочисленные формы альтернативного гуманизма – незападного, нелиберального, немаскулинного, негетеросексистского, неантропоцентристского и неимперского? И как эти вдохновляющие, но потенциально противоречивые подходы будут работать на конфликтной геополитической площадке сегодняшнего мира?

Задавая эти многочисленные вопросы, множась глоссарии и теоретическая витальность наших авторов выражают уверенность в способности коллективной и индивидуальной критической мысли справиться с сегодняшними проблемами. Но чтобы преуспеть в этом сложном деле, критические мыслители в этом издании воспользовались институциональной и интеллектуальной свободой странствия по разным областям компетенций и «исследований». Свободой от

необходимости, ограничений и цензуры, но также свободой рисковать и экспериментировать.

В заключение, наш «Глоссарий» выражает надежду, что некая базовая безвозмездность – принцип некоммерческой деятельности – будет вновь сформулирован как ключевая ценность фундаментальной постгуманистической критической теории в сегодняшнем искусстве, науках и гуманитарных дисциплинах. Нам нужно скрепить связь между концептуальным творчеством и интеллектуальной смелостью, чтобы дерзнуть и придумать новые сценарии в этом вихре волнующих новых направлений и brutальной старой несправедливости, характерной для нашего времени. Чтобы достойно отвечать новым противоречиям и вызовам, нам нужно разрушить старые перегородки и личные интересы и начать диалоги качественно иного рода. Надеемся, что наш «Глоссарий» сможет внести первый вклад в исходные положения для такого диалога.

Рози Брайдотти и Мария Хлавайова

Авторы

Джон Акомфра (род. в 1957, Аккра, Гана) – художник, писатель, режиссер, куратор; живет и работает в Лондоне. У него было множество персональных выставок, в том числе в музее Николай Кунсталь (Копенгаген, Дания; 2016), Арнольфини (Бристоль, Великобритания; 2016), Музей картин (Умео, Швеция; 2015), Художественный музей Эли и Эдит Бруд (Мичиган, США; 2014), Тейт-Британия (Лондон, Великобритания; 2013–2014) и недельная серия показов в МоМА (Нью-Йорк, США; 2011).

Рамон Амаро – старший научный сотрудник направления «Цифровая культура» в Het Nieuwe Instituut, национальном институте архитектуры, дизайна и цифровой культуры в Нидерландах. Его академическое образование в области философии, социологии и в инженерных дисциплинах находит свое выражение в исследованиях, посвященных философским аспектам компьютерного моделирования социальных процессов с особым акцентом на онтологии чернокожих и алгоритмическом равенстве в системах машинного обучения.

Сесилия Асберг – профессор гендера, природы и культуры Линчёпингского университета, Швеция. Основательница и руководительница исследовательской группы «Постчеловеческий центр» (The Posthumanities Hub), научная

сотрудница Центра окружающей среды и общества Рэйчел Карсон (RCC) при Мюнхенском университете Людвиг-Максимилиана. Ее постдисциплинарные работы в области гендерных исследований важны для феминистской постгуманитаристики.

Ли́ла Атанасиаду – независимый писатель, исследователь и выставочный дизайнер; организовывала и вела семинары, читательские группы и лекции в Высшей школе искусств ArtEZ, Центре современного искусства *Witte de With*. Окончила магистратуру по специализации «Архитектура» Делфтского университета; ее диссертация была посвящена переосмыслению педагогических практик с точки зрения «метамоделирования» у Гваттари. С 2016 по 2018 год была координатором магистерской программы «Телесный курс» в ArtEZ.

Мишель Баувенс – основатель Фонда «Альтернативы равноправного сотрудничества» (*P2P Foundation, Peer to Peer Alternatives*). Среди прочего, он является одним из трех соучредителей и партнеров *Commons Strategies Group*.

Дэниел Бейкер (цыган, род. в Кенте) – художник, куратор и теоретик, PhD Королевского колледжа искусств в Лондоне в области цыганской эстетики. Участвовал в «Документе-15», «Манифесте-14», а также в нескольких Венецианских биеннале – в качестве художника (2007, 2011, 2022) и куратора (FUTUROMA, 2019). Его художественная практика и тексты исследуют роль искусства в осуществлении со-

циальной агентности.

Джейн Беннетт – политический теоретик, философ, профессор политических наук в Университете Джона Хопкинса. Сооснователь журнала *Theory & Event*, с 2012 по 2017 год была редактором *Political Theory: An International Journal of Political Philosophy*. Автор книг *Unthinking Faith and Enlightenment* (1987), *Thoreau's Nature* (1994), *The Enchantment of Modern Life* (2001), *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things* (2010).

Джейми «Скай» Бьянко – теоретик цифровых медиа, активист, художник, клинический адъюнкт-профессор кафедры медиа, культуры и коммуникации Нью-Йоркского университета. Художница соединяет изображения, звук, видео, анимацию и лирическую прозу в мультимодальном, перформативном, сетевом, компьютерном/алгоритмическом и инсталляционном форматах. Она управляет фермой по выращиванию органических овощей в горах Катскилл в штате Нью-Йорк и работает над экологическим исследованием токсичных, но населенных и частично заброшенных ландшафтов.

Урсула Биманн – независимый художник, писательница и видео-эссеистка, живущая в Цюрихе. Ее художественная практика ориентирована на исследования и включает в себя полевые работы в отдаленных местах, где она изучает изменение климата и экологию нефти и воды.

Райан Бишоп – профессор кафедры глобального ис-

кусства и политики в Винчестерской школе искусств Саутгемптонского университета, соруководитель исследовательской группы «Археология медиа и технологий» в Винчестерской школе искусств (WSA). Соредактор журнала *Cultural Politics* вместе с Джоном Эрмитаджем и Дугом Келлнером (издательство Университета Дьюка), а также серии книг *Technicities* по теории технокультуры применительно к искусству, дизайну и медиа (издательство Эдинбургского университета).

Зак Блас – художник, режиссер, писатель. Его практика связана с осмыслением цифровых технологий и политики меньшинств. Адъюнкт-профессор кафедры визуальных исследований на факультете архитектуры, ландшафта и дизайна Джона Х. Дэниэлса в Университете Торонто. В числе его работ – *Facial Weaponization Suite* (2012–2014) и *Contra-Internet: Jubilee 2033* (2018); они являются ответом на вызовы технологического контроля, биометрического управления и гегемонии сетей. Автор монографии *Unknown Ideals* (2022).

Вивьен Бозалек – профессор, руководитель направления «Обучение и преподавание» в Университете Западной Капской провинции (UWC), Южная Африка. Области ее исследований включают постструктурализм, новый материализм, социальную справедливость перспективы политической этики заботы, инновационные педагогические подходы в высшем образовании. Соредактор книг *Discerning Critical Hope in Educational Practices* (2017), *Post-Anthropocentric*

Social Work: Critical Posthuman and New Materialist Perspective (2020) и др.

Рози Брайдогги – философ и теоретик феминизма, почетный профессор Утрехтского университета. В числе ее книг *The Posthuman* (2013), *Nomadic Theory: The Portable Rosi Braidotti* (2011), *Transpositions: On Nomadic Ethics* (2006), *Metamorphoses: Towards a Materialist Theory of Becoming* (2002) и *Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory* (2011), *Posthuman Knowledge* (2017), *Posthuman Feminism* (2021).

Этель Брукс – адъюнкт-профессор Департамента женских и гендерных исследований и социологии в Ратгерском университете, с 2016 года является членом Мемориального совета Холокоста Соединенных Штатов. Автор книги *Unravelling the Garment Industry: Transnational Organizing and Women's Work* (2007).

Вера Бюльманн – доктор философии Базельского университета в области медиаисследований. С 2016 года – профессор теории архитектуры Венского технического университета, руководитель кафедры теории архитектуры и философии техники (АТТР) Венского технического университета. В 2010 году стала соучредителем лаборатории прикладной виртуальности на кафедре цифровой архитектуры Федерального института технологий в Цюрихе. Является соредактором серии книг по прикладной виртуальности (Birkhäuser, Вена). Основные направления ее творчества – философия и

история семиотики и математики.

Роданте ван дер Ваал – PhD-кандидат, преподаватель этики заботы в Университете гуманистических исследований в Утрехте. Имеет степень бакалавра акушерства, а также степень бакалавра и магистра философии Амстердамского университета. В своих исследованиях она фокусируется в основном на постмодернистской французской мысли, постгуманизме, феминизме и вопросах, касающихся репродукции. В своих публикациях пытается рассматривать эти темы как с теоретической, так и с более интимной и поэтической точки зрения. Ее статьи опубликованы в журналах *Angelaki*, *Agenda*, *Feminist Anthropology*, *Birth*, *Nursing Ethics*, *Trouw*, *Medisch Contact*.

Ирис ван дер Туин – адъюнкт-профессор кафедры свободных искусств и наук в Утрехтском университете. Ее работы публиковались в *Open Humanities Press*, *Australian Feminist Studies* и *Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy*. Возглавляла европейскую стипендию COST Action New Materialism: Networking на тему «Как материя обретает значение» (2014–2018). Ее докторская диссертация была посвящена новой феминистской эпистемологии и европейским женским исследованиям.

Линдси Грейс Вебер – выпускница Уэслианского университета и программы RMA по гендерным и этническим вопросам Утрехтского университета, в настоящее время получает докторскую степень по сравнительным исследовани-

ям в области сравнительных исследований дискурса и общества в Университете Миннесоты. Работала с (Un)usual Business, исследовательским коллективом CASCO и принимала активное участие в автономных феминистских коллективах в Коннектикуте, Окленде (Калифорния) и Утрехте.

Тимотеус Вермюлен – преподаватель кафедры медиа, культуры и общества в Университете Осло. Писал о современной культуре и эстетике, в частности о кино и телевидении. Автор нескольких книг, в том числе *Scenes from the Suburbs: The Suburb in Contemporary US Film and Television* (2014), соредактор *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism (Radical Cultural Studies)* (2017) и т. д.

Кэри Вулф – профессор Брюса и Элизабет Данлеви Департамента английской литературы и директор-основатель Центра критической и культурной теории (ЗСТ) в Университете Райса. Редактор-основатель серии *Posthumanities* в издательстве университета Миннесоты.

Питер Вульфендейл – независимый философ, живущий и работающий в Англии. Автор книги *Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes* (2014). Считает себя платоником-еретиком, неортодоксальным кантианцем и гегельянцем-минималистом, но в равной степени счастлив, когда его описывают как рационалиста. В основном его работы находятся на пересечении методов метафизики и структуры рациональности, но также включают философию ценности,

этику, эстетику и социальную теорию.

Дженнифер Габрис – руководитель Департамента медиа, культуры и окружающей среды факультета социологии Кембриджского университета. Возглавляет исследовательскую группу Planetary Praxis и является главным исследователем ERC проекта Smart Forests: Transforming Environments into Social-Political Technologies. Соредактор серии книг *Planetarities*, издательства Goldsmiths Press, главный редактор журнала *Big Data & Society*. Автор книги *Citizens of Worlds: Open-Air Toolkits for Environmental Struggle* (2022) и др. Подробнее об авторе можно узнать по ссылке jennifergabrys.net

Ине Геверс – куратор, писательница и активистка. Среди ее выставок *Niet Normaal: Difference on Display* (Биржа Берлаге, Амстердам, 2010; Берлин, 2011; Ливерпуль, 2012) и *Yes Natural: How art save the world* (Муниципальный музей Гааги, 2013), в которых было представлено неантропоцентричное мировоззрение, ведущее к экологической сознательности. Ее масштабная международная выставка *Hacking Habitat* была показана в бывшей тюрьме города Утрехт в 2016 году. В 2020 году основала фонд Future of Work (FOW).

Том Гисберс – философ, специализирующийся на немецкой посткантианской и современной французской философии. Его исследовательские интересы включают реализм, психоанализ и теорию субъективности, но не ограничиваются ими. Защитил докторскую диссертацию по теме

The Wall or the Door: German Realism around 1800 в Утрехтском университете.

Мария Главайова – является основателем ВАК (basis voor actuele kunst, Утрехт) и его художественным руководителем с 2000 года, также была художественным руководителем FORMER WEST (2008–2016), который она инициировала и развивала как международное совместное исследовательское, образовательное, издательское и выставочное предприятие. Организовала многочисленные проекты в ВАК и за его пределами, в том числе серию Future Vocabularies (2014–2016) и New World Academy с художником Йонасом Стаалом (2013–2016).

Дэвид Тео Голдберг – директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук Калифорнийского университета и исполнительный директор Исследовательского центра цифровых медиа и обучения. Он профессор департаментов сравнительной литературы и антропологии в Калифорнийском университете в Ирвайне. Автор множества книг, в том числе *The Future of Thinking: Learning Institutions in the Digital Age* (в соавторстве, 2009), *Are We All Postracial Yet?* (2015) и др. Его последняя книга – *The War on Critical Race Theory: Or, the Remaking of Racism* (2023).

Тобийн де Грау – изучала политическую философию, в магистратуре в Утрехтском университете специализировалась на глобальной справедливости и правах человека. Ранее она работала в Центре гуманитарных наук Утрехтского уни-

верситета, где руководила исследовательскими проектами и мероприятиями, направленными на изучение роли религии в общественной сфере, культурном гражданстве и экологии человека. Соредактор книги *Transformations of Religion and the Public Sphere: Postsecular Publics* (2014).

Дэн Гудли – профессор, специализируется на исследованиях и образовании людей с ограниченными возможностями в Шеффилдском университете. Последние книги – *Foreword* (2021) и *Disability and Other Human Questions* (2020). Его работа направлена на критическое изучение эйблизма и дисаблизма, в целях определения преимуществ и недостатков тех, кто работает с комплексом ограниченных возможностей.

Йолле Деммерс является адъюнкт-профессором конфликтологии Департамента истории и истории искусств Утрехтского университета. Одна из ее последних работ посвящена технологиям дистанционного управления и контроля (используемым как индустрией оказания помощи, так и на войне), борьбе за ресурсы в регионе Сахеля, политике изображения пограничного насилия, военным играм, демократии без государства и голландской ксенофобии. Улучшенное и исправленное второе издание *Theories of Violent Conflict* было опубликовано в 2017 году.

Гэри Джиноско – профессор Технологического института Университета Онтарио. Занимал должности заведующего кафедрой исследований в Канаде и приглашенного профессора в Университете Нового Южного Уэльса, Сид-

нейском университете и Университете Торонто. Джиноско работает над теорией коммуникации и культуры, вопросами субкультур в цифровом андеграунде и проблемами активистов-разоблачителей. Его философские интересы включают философию Феликса Гваттари. Автор книг *The Guattari Reader* (1996), *Critical Semiotics: Theory, from Information to Affect* (2016) и др.

Брэндон Джонс – адъюнкт-профессор по английской литературе в Университете Иллинойса, Урбана-Шампейн. Его диссертационное исследование касалось в основном послевоенной американской прозы, защиты окружающей среды и утопии. Исследования и преподавательская деятельность были сосредоточены на области гуманитарных наук об окружающей среде и научной фантастике. Его публикации были посвящены работам А. Н. Уайтхеда, Карен Барад и Ричарда Пауэрса.

Эйлин А. Джой – специалист в области староанглийских литературоведческих и культурологических исследований, также занимается паранаучной деятельностью. В сфере ее интересов – поэзия и поэтика, историография, этика, аффекты, воплощения, квир-исследования, политика дружбы, спекулятивный реализм, объектно-ориентированная онтология, экология и постчеловеческое. Она является ведущим создателем рабочей группы BABEL и соредактором журнала *postmedieval: a Journal of Medieval Cultural Studies*.

Рик Долфейн – философ, адъюнкт-профессор кафедры

медиа и исследований культуры Утрехтского университета. Область его научных интересов включает постгуманизм, новый материализм, материальную культуру и экологию. Автор книг *Foodscapes* (2004), *New Materialism* (в соавторстве; 2012), *The Philosophy of Matter* (2021), соредактор *Deleuze and Guattari and Fascism* (2022) и др.

Хизер Дэвис – исследовательница и писательница, доцент кафедры культуры и медиа в Новой школе в Нью-Йорке. Ее последняя книга *Plastic Matter* (2022) исследует трансформацию геологии, сред и тел в свете насыщения пластиком. Сокуратор выставки *Plastic Entanglements: Ecology, Aesthetics, Materials* (2018–2020). Соредактор *Art in the Anthropocene: Encounters Among Aesthetics, Politics, Environments and Epistemologies* (2015) и *Desire Change: Contemporary Feminist Art in Canada* (2017). Подробнее об авторе можно узнать по ссылке heathermdavis.com

Иоганна Зайбт – профессор Орхусского университета, Дания, заведующая кафедрой трансдисциплинарных исследований процессов в интегрированной социальной робототехнике. Ее научные интересы лежат в области аналитической онтологии (процессуальная онтология, метод онтологии), современной метафизики и истории метафизики (Уилфрид Селларс, Карнап, Лейбниц, Гегель, Уайтхед), а в последнее время в исследованиях конфликтов (ценностные конфликты), межкультурных ценностных исследований и философии социальной робототехники.

Андреас Зикманн – немецкий визуальный художник. У него было множество галерейных и музейных выставок, в том числе в Музее современного искусства зальцбургского Рупертинума и в венской галерее Крой Нильсен. Некоторые произведения художника были проданы на аукционах, в том числе *Trickle Down: The Public Space in the Age of its Privatization*, ушедший с аукциона на Вилле Гризебах «Третий этаж» в 2014 году.

Серенелла Иовино – профессор кафедры сравнительной литературы в Туринском университете (2001–2018). Ее последние публикации включают книги *Italo Calvino's Animals: Anthropocene Stories* (2021), *Ecocriticism and Italy: Ecology, Resistance, and Liberation* (2016; лауреат книжной премии the AAIS Book Prize) и *Ecologia letteraria: Una strategia di sopravvivenza* (2nd ed. 2015). Соредактор *Italy and the Environmental Humanities: Landscapes, Natures, Ecologies* (2018) и *Environmental Humanities: Voices from the Anthropocene* (2017).

Биргит Мара Кайзер – адъюнкт-профессор кафедры сравнительного литературоведения Утрехтского университета, специализируется на эстетике и аффективности, постколониальной и транснациональной поэтике XIX–XX веков, экологии субъективности. Автор книги *Figures of Simplicity: Sensation and Thinking in Kleist and Melville* (2011). Соредактор изданий *Postcolonial Literatures and Deleuze: Colonial Pasts, Differential Futures* (2012), *Singularity and Transnational*

Poetics (2015). Вместе с Катрин Тиле она основала и координирует Междисциплинарную сеть по критическим гуманитарным наукам Terra Critica.

Вики Кирби – профессор социологии в Школе социальных наук Университета Нового Южного Уэльса в Сиднее, Австралия. Автор книг *Telling Flesh: The Substance of the Corporeal* (1997), *Judith Butler: Live Theory* (2006), *Quantum Anthropologies: Life at Large* (2011). Автор публикаций в журналах *Derrida Today*, *Parallax* и др.

Эбен Киркси – адъюнкт-профессор кафедры антропологии Оксфордского университета, где преподает медицинскую антропологию и экологию человека. Защитил докторскую диссертацию в Калифорнийском университете в Санта-Круссе и помог основать одну из первых в мире экологических гуманитарных программ в UNSW Sydney в Австралии. Автор книг *Freedom in Entangled Worlds: West Papua and the Global Architecture of Power* (2012), *Emergent Ecologies* (2015), *The Mutant Project: Inside the Global Race to Genetically Modify Humans* (2020), соредактор *The Promise of Multispecies Justice* (2022).

Том Кларк – редактор в ВАК (basis voor actuele kunst; Утрехт), содиректор галереи *Arcadia Missa* (2010–2015), главный редактор *Arcadia Missa Publications* и журнала *How to Sleep Faster*. Является независимым редактором, куратором и издателем, а также пишет и читает лекции о современном искусстве. Соредактор книги (*networked*) *Every Whisper*

is a Crash on My Ears (2014).

Брюс Кларк – почетный профессор Пола Уитфилда Хорна в области литературы и науки, преподает в Департаменте английской литературы Техасского технического университета. Его исследования сосредоточены на теории систем, теории нарратива и экологии. Соредактор книжной серии *Meaning Systems* (Fordham University Press). Автор ряда книг, в частности *Energy Forms* (2001), *Posthuman Metamorphosis* (2008), *Neocybernetics and Narrative* (2014).

Года Клумбите – аспирантка в Университете Касселя. Изучает феминистскую технонауку, исследования новых медиа и постгуманизм. Особый интерес представляют области искусственного интеллекта. Ее статьи были опубликованы в изданиях *Everyday Feminist Research Praxis* (2015) и *Fat Sex: New Directions in Theory and Activism* (2015).

Фелисити Колман – профессор кино и медиа-арта, заместитель декана в Лондонском колледже моды при Лондонском университете искусств. Автор книг *Deleuze and Cinema* (2011), *Film Theory: Creating a Cinematic Grammar* (2014), редактор и соредактор книг *Film, Theory and Philosophy: The Key Thinkers* (2009) и *Sensorium: Aesthetics, Art, Life* (2007), *Global Arts & Local Knowledge* (2016), журнала *A/V Journal of Practical and Creative Philosophy* и др.

Катерина Колозова – руководитель Института общественных и гуманитарных наук в Скопье, а также профессор философии, гендерных исследований и социологической

теории в Университетском американском колледже Скопье. Автор книг *Towards a Radical Metaphysics of Socialism: Marx and Laruelle* (2015), *Capitalism's Holocaust of Animals: A Non-Marxist Critique of Capital, Philosophy and Patriarchy* (2019) и т. д.

Василис Костакис – сотрудник Центра Беркмана Кляйна Гарвардского университета. Является основателем лаборатории P2P и основным членом P2P Foundation.

Клэр Коулбрук – почетный профессор английского языка Эдвина Эрла Спаркса в Университете штата Пенсильвания. Она опубликовала книги и статьи по истории литературы, квир-теории, визуальной культуре, философии Жюль Делеза и поэзии Уильяма Блейка. Ее последняя книга – *Twilight of the Anthropocene Idols* (в соавторстве; 2016).

Джеффри Джером Коэн – декан гуманитарного факультета Университета штата Аризона, бывший сопредседатель Ассоциации по изучению литературы и окружающей среды, крупнейшей профессиональной организации в области гуманитарных наук об окружающей среде. Его публикации относятся к исследованиям Средневековья, постгуманизму, материальности, экотеории и монструозному. Автор книг *Stone: An Ecology of the Inhuman* (2015), *Noah's Arkive* (в соавторстве; 2023).

Карен Крамер – окончила Парсонсовскую школу дизайна в Нью-Йорке со степенью бакалавра в 2003 году и в течение ряда лет работала графическим дизайнером. В 2011 году

она переехала в Великобританию, чтобы получить степень магистра изящных искусств в Голдсмитсе, Лондонский университет. С момента завершения своей последней выставки в 2013 году она выставлялась на международном уровне и принимала участие в ряде галерейных показов. В 2015 году стала солауреатом премии Jerwood/FVU, кульминацией которой стала выставка *Borrowed Time* в лондонском арт-центре Jerwood Space.

Алиса Крайшер – художница, писательница и теоретик; изучала философию, немецкую литературу и изобразительное искусство в Дюссельдорфе. Ее художественный и теоретический интерес, развивавшийся в течение двадцати лет в рамках институциональной и экономической критики, в последнее время сфокусирован на ранней истории капитализма и глобализации. В качестве сокуратора таких парадигматических выставок, как *Messe 2ok* (1995), *ExArgentina* (2004) и *The Potosi Principle* (2010) Крайшер разработала особую кураторскую практику, которая коррелирует с ее работой как художника и теоретика (включая ее активное участие в архивных исследованиях).

Кристин Квинан – адъюнкт-профессор кафедры гендерных исследований Департамента медиа и исследований культуры в Утрехтском университете. Ее преподавательские и научные интересы включают постколониальные исследования, транс-исследования, квир-теорию, литературные и киноведческие работы, а также феминистскую/квир-педагогиче-

ку.

Мелинда Купер – адъюнкт-профессор кафедры социологии и социальной политики в Сиднейском университете, Австралия. Автор книг *Life as Surplus: Biotechnology and Capitalism in the Neoliberal Era* (2008), *Family Values: Between Neoliberalism and the New Social Conservatism* (2017), соавтор книги *Clinical Labor: Tissue Donors and Research Subjects in the Global* (2014).

Туве Кьельмарк – художница, живущая и работающая в Стокгольме, Швеция. Обладательница многочисленных грантов, провела целый ряд персональных выставок. В своих работах она ищет Другую Природу – природу, которая отказывается принять разницу между технологическими и природными силами, между человеческой жизнью и жизнью животных, между механикой и органикой. Проводя исследования по этим вопросам, она хочет бросить вызов природе, создав ее заново.

Фиона Р. Кэмерон – старший научный сотрудник Института культуры и общества Университета Западного Сиднея. Автор многочисленных исследований и публикаций о роли музеев в современных обществах в связи с такими социально значимыми темами, как их возможное влияние на проблему изменения климата, материальная культура, цифровые медиа, коллекции и документация. В своей работе она использует целый набор теоретических оптик, включая онтологию и постгуманитаристику, для разработки

новых музейных практик. Соавтор коллективной монографии *Collecting, Ordering, Governing: Anthropology and Liberal Government* (2017), автор книги *The Future of Digital Data, Heritage and Curation in a More-than-human World* (2021).

Орон Кэттс – художник, исследователь и куратор; его новаторский проект «Культура тканей и искусство» (ТС&А), начатый в 1996 году, считается важнейшим начинанием в области биологического искусства, целью которого было познакомить людей с моральными последствиями ношения кожи животных. В 2000 году он стал соучредителем SymbioticA, художественного исследовательского центра, расположенного в Школе анатомии, физиологии и биологии человека Университета Западной Австралии. Область интересов Кэттса – жизнь, в частности, изменение отношений и восприятия жизни в свете новых знаний.

Кэролин Лау – соискатель докторской степени по английскому языку (литературоведение) в Китайском университете Гонконга. Была приглашенным научным сотрудником в Центре гуманитарных наук при Утрехтском университете в 2015 году.

Кун Лёрс – адъюнкт-профессор кафедры гендерных и постколониальных исследований в Утрехтском университете. Лёрс является ведущим интернет-исследователем, работает над проблемами миграции, диаспор, гендеров, рас, классов, над вопросами урбанизации и молодежной культуры. Публикации включают антологию *Everyday Feminist*

Research Practices (в соавторстве; 2014), монографию *Digital Passages: Migrant Youth 2.0* (2015). Соредактор справочника *The SAGE Handbook of Media and Migration* (2019).

Кирсти Лиддиард – научный сотрудник Центра изучения детства и юности в Школе образования Шеффилдского университета. До этого она стала первым постдокторантом Этель Луизы Армстронг в Школе исследований ограниченных возможностей Университета Райерсона, Торонто, Канада. Ее работа сосредоточена на дисаблизме и эйблизме, а также гендере, сексуальности и интимном гражданстве.

Нина Люкке – почетный профессор кафедры гендерных исследований Линчёпингского университета в Швеции, соучредитель Международной сети исследований странной смерти и Международной сети экокритических и деколониальных исследований. Она много публиковалась в рамках феминистских культурных исследований, включая технические науки, среди ее работ *Cosmodolphins* (2000) и *Feminist Studies* (2010). Текущие исследования сосредоточены на культуре и геополитике рака, критических исследованиях смерти, умирания, траура и духовности в квир-феминистском, материалистическом и деколониальном ракурсах.

Армин Линке (род. 1966) – фотограф, режиссер; живет в Милане и Берлине. Сочетает ряд современных технологий обработки изображений в стремлении размыть границы между вымыслом и реальностью. Его художественная практика связана с разнообразными способами работы с архив-

ными фотографиями и их представлением, а также со взаимодействием и преобразующим влиянием друг на друга городской среды, ее архитектурных и пространственных функций и людей, действующих в этом окружении.

Герт Ловинк – теоретик медиа, интернет-критик. профессор искусства и сетевых культур Амстердамского университета. Автор книг *Uncanny Networks* (2002), *Dark Fiber* (2002), *My First Recession* (2003), *Zero Comments* (2007), *Networks Without a Cause* (2012) и *Social Media Abyss* (2016). В 2004 году основал Институт сетевых культур (INC) при Амстердамском университете прикладных наук. Его центр организует конференции, публикации и исследовательские сети, такие как Video Vortex (онлайн-видео), Unlike Us (альтернативы в социальных сетях), Critical Point of View (Википедия), Society of the Query (культура поиска), MoneyLab (интернет-модели доходов в искусстве). Последние проекты касаются цифрового издательского дела и будущего художественной критики.

Ребекка Лоутом – руководитель Школы образования Шеффилдского университета, ранее была профессором психологии сообществ в Манчестерском столичном университете. Ее работа связана с пересечениями феминизма, инвалидности и миграции. Соавтор изданий *Critical Community Psychology* (2011), *Qualitative Methods in Psychology: A Research Guide* (2012) и др.

Витске Маас – культурработник и художница, исследую-

щая городскую экологию. Куратор исследований и публикаций в ВАК, basis voor actuele kuns. В 2015–2017 годах была исследователем и главным редактором исследовательского, образовательного, издательского и выставочного проекта FORMER WEST. Соредактор изданий *Courageous Citizens. How Culture Generates Social Change: How Culture Contributes to Social Change* (2018), *Propositions for Non-Fascist Living* (2019) и др.

Никита Мазуров – доктор философии, энтузиаст освобождения данных; работал над проектом «Живые архивы», исследующим, как защитить участников архивов, сделав архивы не полностью функциональными, в Университете Мальмё. В рамках своей докторской диссертации разработал хакерскую методологию практики, сочетающую противодействие следственным действиям со штирнеровским эгоизмом. Его научные интересы включают конфиденциальность и пиратство, в частности как заниматься последним, обеспечивая первое.

Патрисия МакКормак – профессор континентальной философии в Университете Англии Раскин в Кембридже. Автор множества публикаций по континентальной философии, феминизму, квир-теории, теории постчеловека, правам животных, искусству и фильмам ужасов. Соредактор *Deleuze and the Schizoanalysis of Cinema* (2008), редактор *The Animal Catalyst: Towards Ahuman Theory* (2014), *Ecosophical Aesthetics* (2018), автор *Cinesexuality* (2008) и *Posthuman*

Ethics (2014).

Стюарт Маклин – профессор антропологии и глобальных исследований в Университете Миннесоты. Автор книг *The Event and its Terrors: Ireland, Famine, Modernity* (2004), *Fictionalizing Anthropology: Encounters and Fabulations at the Edges of the Human* (2017), соредактор *Crumpled Paper Boat: Experiments in Ethnographic Writing* (2017).

Джеффри Скотт Маршан – адъюнкт-профессор кафедры английского языка Техасского университета в Арлингтоне. Его исследовательские интересы включают постгуманистическую экологическую критику, расовые/постколониальные исследования и современную культурологию. Его диссертация была посвящена возможности понимания различных мультимедийных артефактов поп-культуры как спекулятивных представлений об утверждающем экологическом, расовом и квир-будущем в эпоху антропоцена.

Стив Менц (1948–2017) – профессор английской литературы в Университете Святого Иоанна в Нью-Йорке. Его последние книги *Shipwreck Modernity: Ecologies of Globalization, 1550–1719* (2015) и *Oceanic New York* (2015). Его работа в области гуманитарных аспектов морской тематики также включает в себя *At the Bottom of Shakespeare's Ocean* (2009) и многочисленные статьи и тексты. Незавершенные работы можно найти в его блоге *The Bookfish* (www.stevementz.com).

Сандро Меццадра – преподаватель политической тео-

рии в Болонском университете и адъюнкт-сотрудник Института культуры и общества Университета Западного Сиднея. Автор книг *Border as Method or the Multiplication of Labor* (в соавторстве; 2013), *The Politics of Operations: Excavating Contemporary Capitalism* (в соавторстве; 2019). Активный участник «постоопераистских» дебатов и один из основателей сайта [Euromade](http://Euromade.com).

Дженна Нг – профессор кино и интерактивных медиа в Йоркском университете, председатель Исследовательского совета Школы искусств и творческих технологий. Работает над вопросами взаимодействия цифровой и визуальной культуры, в область ее интересов входит также философия техники, постчеловеческая вычислительная культура и цифровые гуманитарные науки. Автор книги *The Post-Screen through Virtual Reality, Holograms and Light Projections* (2021), редактор *Understanding Machinima: Essays on Filmmaking in Virtual Worlds* (2013) и др.

Бретт Нилсон – директор по исследованиям в Институте культуры и общества Университета Западного Сиднея. Автор книг *Border as Method, or, the Multiplication of Labor* (в соавторстве, 2013), *The Politics Of Operations: Excavating Contemporary Capitalism* (в соавторстве, 2019) и др. Координатор трехконтинентального исследовательского проекта *Logistical Worlds: Infrastructure, Software, Labour* (<http://logisticalworlds.org>).

Астрида Нейманис – теоретик феминистской культу-

ры, доцент Калифорнийского университета в Оканегане. Со-основатель The Seed Box: A Mistra-Formas Environmental Humanities Collaboratory. Автор монографии *Bodies of Water: Posthuman Feminist Phenomenology* (2017). Часто работает в диалоге с художниками и произведениями искусства. Работы с ее участием были представлены на Международном фестивале искусств LIAF (2019), Рижской биеннале (2020), Шанхайской биеннале (2021).

Серпиль Опперманн – профессор Департамента английского языка и литературы в Университете Хаджеттепе, Анкара. Ее последние публикации включают *International Perspectives in Feminist Ecocriticism* (2013), *Material Ecocriticism* (в соавторстве; 2014) и *Environmental Humanities: Voices from the Anthropocene* (в соавторстве; 2017). Редактор сборника *New Voices in International Ecocriticism* (2015).

Хенк Остерлинг – адъюнкт-профессор философии человека и культуры на философском факультете университета Эразма Роттердамского (до 2018). Был инициатором и генеральным директором Rotterdam Skillcity, образовательного проекта, внедряющего в школьные программы в начальных и средних школах на юге Роттердама эко-социальные знания, ориентированные на формирование устойчивых ремесленных навыков. Автор книги *Verzet in ecopanische tijden* (2020). В настоящее время систематически работает над разработкой последовательного экософского дискур-

са. Подробнее об авторе можно узнать по ссылке: <http://www.vakmanstad.nl>

Сюзанна Паасонен – профессор медиаисследований в Университете Турку. Область ее интересов включает изучение массовой культуры, теорию аффекта и медиа, она недавно опубликовала книгу *Carnal Resonance: Affect and Online Pornography* (2011). Также является соредактором *Working with Affect in Feminist Readings: Disturbing Differences* (2010) и *Networked Affect* (2015).

Тревор Паглен – художник, географ, автор. В своих работах он намеренно стирает границы между наукой, современным искусством, журналистикой и другими дисциплинами, чтобы построить незнакомые, но тщательно исследованные способы видения и интерпретации мира вокруг нас. Его изобразительные работы выставлялись в Метрополитен-музее, Нью-Йорк, Тейт Модерн, Центре искусства Уокера, Миннеаполисе и др. Его книга *The Last Pictures* (2012) – это размышление о взаимодействии глубокого времени, политики и искусства.

Нени Панургия – антрополог, адъюнкт-профессор программы «Тюремное образование» на факультете психологии, научный руководитель инициативы «Правосудие в образовании» в Колумбийском университете. Ее работа затрагивает множество регистров, лексиконов и дисциплин и связана с вопросами эпистемологии, критической теории, критических медицинских исследований, гуманиз-

ма и антропизма, социального и политического исключения, пространств диссонанса. Проводила свои исследования в больницах, тюрьмах, лагерях, школах. Многочисленные публикации исследовательницы можно найти в *American Ethnologist*, *American Anthropologist*, *angelaki*; *Anthropology and Humanism*, *Anthropological Theory*, *Documenta*, *Mousse*, *Naked Punch*. Автор отмеченных наградами книг, таких как *Fragments of Death*, *Fables of Identity*. *An Athenian Anthropography* (1995); *Dangerous Citizens. The Greek Left and the Terror of the State* (2009), соредактор *Ethnographica Moralia. Experiments in Interpretive Anthropology* (2008) и др.

Димитрис Пападопулос – профессор кафедры науки, технологии и общества, директор Института науки и общества и директор-основатель междисциплинарного исследовательского кластера EcoSocieties в Ноттингемском университете. Его работы в области изучения науки и техники, социальной теории и социологии общественных изменений были опубликованы в многочисленных журналах и нескольких монографиях, включая *Escape Routes: Control and Subversion in the 21st Century* (2008), *Analysing Everyday Experience: Social Research and Political Change* (2006), *Experimental Politics: Technoscience and More Than Social Movements* (2018).

Лучана Паризи – преподаватель культурологии, председатель программы подготовки аспирантов в Центре исследований культуры и содиректор отдела цифровой куль-

туры в Голдсмите, Университет Лондона. Ее подход к изучению онтологических и эпистемологических трансформаций, обусловленных функцией техники в культуре, эстетике и политике, опирается на континентальную философию. Ее книги включают *Abstract Sex: Philosophy, Biotechnology and the Mutations of Desire* (2004), *Contagious Architecture. Computation, Aesthetics and Space* (2013).

Юсси Парикка – теоретик медиа, профессор цифровой эстетики и культуры в Орхусском университете. Опубликовал большое количество работ по цифровой культуре, теории медиа, визуальной культуре и медиа-археологии. Книги: *Digital Contagions: A Media Archaeology of Computer Virus* (2007, 2nd ed. 2016), *Insect Media* (2010), *A Geology of Media* (2015) и *The Anthrobscene* (2014), *Remain* (в соавторстве; 2019).

Маттео Пасквинелли – доктор философии, профессор теории медиа в Университете искусств и дизайна Карлсруэ. Ранее преподавал в Институте Пратта, Нью-Йорк. Автор книг *Animal Spirits: A Bestiary of the Commons* (2008), *The Eye of the Master: A Social History of Artificial Intelligence* (2023), редактор *Gli algoritmi del capitale* (2014), *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and its Traumas* (2015) и др.

Патрисия Пистерс – профессор кино на кафедре медиаисследований Амстердамского университета, директор Амстердамской школы культурологического анализа (ASCA) (2015–2019). Член Королевской Нидерландской академии

наук (KNAW), Королевского Голландского общества естественных и гуманитарных наук (KHMW) и Европейской академии (Academia Europaea). Член правления организации Open Foundation и журнала *Extra Extra*. Автор книги *The Neuro-Image: A Film-Philosophy of Digital Screen Culture* (2012).

Сандра Понзанези – профессор гендерных и постколониальных исследований Отделения медиа и культурных исследований / аспирантуры гендерной программы Утрехтского университета и заведующая гуманитарными науками в Утрехтском университетском колледже. Автор книг *Paradoxes of Postcolonial Culture* (2004) и *The Postcolonial Cultural Industry* (2014), редактором *Gender, Globalization and Violence. Postcolonial Conflict Zones* (2014) и соредактор сборника *Postcolonial Transitions in Europe. Contexts, Practices and Politics* (2016) и т. д.

Хелен Притчард – художник, исследователь; профессор и руководитель исследовательского отдела Института экспериментального дизайна и медиакультур (IXDM) в Университете прикладных наук и искусств Северо-Западной Швейцарии, адъюнкт-профессор по квир-феминистской технонауке в Плимутском университете. Ее работа является междисциплинарной и объединяет области вычислительной эстетики, географии и феминистской технонауки. Член Citizen Sense, группы, исследующей взаимосвязь между технологиями и практиками экологического зондирования и вовле-

чением граждан, а с 2020 года – соорганизатор Института технологий в общественных интересах (TITiPI). Соредактор *Data Browser 06: Executing Practices* (2018), *Sensors and Sensing Practices* (2019),

Джон Протеви – профессор французских исследований в Университете штата Луизиана. Специализируется на Делезе и естествознании, с особым интересом относится к геофилософии и аффективной нейробиологии. Автор книг *Life, War, Earth: Deleuze and the Sciences* (2013); *Political Affect* (2009), *Deleuze and Geophilosophy* (2004) и *Political Physics* (2001). Он также является редактором-основателем серии книг *New Directions in Philosophy and Cognitive Science*.

Андрей Радман – адъюнкт-профессор Департамента философии и теории архитектуры, преподает дизайн на архитектурном факультете Делфтского технического университета. Выпускник Загребской школы архитектуры в Хорватии, лицензированный архитектор и лауреат ежегодной премии Хорватской ассоциации архитекторов за архитектуру жилых зданий в 2002 году. Радман получил степени магистра и доктора в Делфтском техническом университете. Член Национального комитета по стипендиям Делеза и Гваттари. Соредактор книг *Critical and Clinical Cartographies: Architecture, Robotics, Medicine, Philosophy* (2017), *Architectures of Life and Death: The Eco-Aesthetics of the Built Environment* (2021) и др.

Кэтрин Рансвик-Коул – профессор Шеффилдского

университета, директор по исследованиям и инновациям. Ее исследования и публикации касаются в основном жизни детей с ограниченными возможностями и их семей. Автор книги *Approaching Disability: Critical Issues and Perspectives* (в соавторстве; 2014), соредактор *Disabled Children's Childhood Studies* (2013).

Бернхард Ридер – адъюнкт-профессор кафедры медиаисследований в Амстердамском университете с широкими интересами в области цифровых технологий и культуры. Его научные исследования сосредоточены на истории, теории и политике программного обеспечения, в частности на роли алгоритмов в социальных процессах и производстве знаний. Частью этого является его работа и построение цифровых методов. Автор книги *Engines of Order: A Mechanology of Algorithmic Techniques* (2020).

Дэвид Роден – философ, преподаватель и лектор Открытого университета (Великобритания). Его исследования посвящены взаимосвязи между деконструкцией и аналитической философией, философским натурализмом, метафизикой звука и постгуманизмом. Автор книг *Posthuman Life: Philosophy at the Edge of the Human* (2014), *Snuff Memories* (2021).

Нед Росситер – профессор коммуникации в Институте культуры и общества Университета Западного Сиднея, там же преподает в Школе гуманитарных наук и коммуникационных искусств. Автор книг *Organized Networks: Media*

Theory, Creative Labour, New Institutions (2006), *Software, Infrastructure, Labor: A Media Theory of Logistical Nightmares* (2016), *Organization after Social Media* (в соавторстве; 2018)/

Хара Роча – культур-медиатор, разрабатывающий образовательные и исследовательские программы в Школе дизайна Вау в Барселоне. Изучает современные культуры и транс-феминистские практики, связывая как формальные, так и неформальные способы обращения к материи. Регулярно сотрудничает с Фемке Снелтинг в разработке интерфейсов между так называемыми телами, представлением и технологией. Соредактор *Volumetric Regimes: Material Cultures of Quantified Presence* (2022).

Стефани Саймон – географ и научный сотрудник Амстердамского университета. В ее исследовании критически рассматриваются повседневные практики и пространства безопасности, а также способы согласования логики упреждения и устойчивости в городских и транснациональных контекстах. Ее текущие проекты сосредоточены на чувственности ландшафтного и городского дизайна как пространственных медиаторов риска. Ее работы были опубликованы в *Antipode, Theory, Culture & Society, Journal of Urban Cultural Studies, Social and Cultural Geography, Security Dialogue and Space and Polity*.

Александра Саймонс Сатклифф – писательница и куратор, чьи работы сосредоточены на танце, перформансе и технике точного воспроизведения. Она бывший участник

магистерской программы Центра исследовательской архитектуры и программы независимого обучения Уитни, в настоящее время работает в Нью-Йорке и Лондоне.

Одри Самсон – художник-исследователь в дуэте FRAUD и старший преподаватель Гринвичского университета. Ее перформативные инсталляции исследуют то, как память и технические объекты взаимно определяют друг друга и трансформируются в контексте сетевого архивирования данных. Работы Самсон были представлены на фестивалях и в галереях по всему Азиатско-Тихоокеанскому региону, в Европе и Канаде.

Гарри Сандерсон – художник новых медиа. Его работы варьируются от звуковых выступлений до интерактивных программных скульптур, видеоработ и масштабных онлайн-проектов. Уделяет основное внимание трудовым отношениям, встроенным в язык визуальных культур, и отношениям технологий с капитализмом. Окончил Центральную школу искусств и дизайна Святого Мартина (Лондон) в 2013 году.

Саския Сассен – профессор социологии Роберта С. Линда и председатель Комитета по глобальному мышлению Колумбийского университета, приглашенный профессор Лондонской школы экономики. Исследователь глобализации, международной миграции и урбанистики. Автор концепции денационализации и транснационализации. Автор нескольких книг и лауреат различных наград. Ее последняя

книга *Cities in a World Economy (Sociology for a New Century Series)* (2018).

Сьюзан М. Сквайер – почетный профессор Департамента английского языка и исследований женщин, гендера и сексуальности в Университете штата Пенсильвания, приглашенный профессор в Свободном университете Берлина (2016–2019), где она работала над проектом PathoGraphics с Ирмелой Марей Крюгер-Фюрхофф. Автор книг *Liminal Lives: Imagining the Human at the Frontiers of Biomedicine by Susan Merrill Squier* (2004), *Graphic Medicine Manifesto* (в соавторстве; 2015), ее последняя книга – *Epigenetic Landscapes: Drawing as Metaphor* (2017).

Аннеке Смелик была профессором визуальной культуры в Университете Неймегена. Широко публиковалась по темам моды, кино, массовой культуры и культурной памяти. Автор книги *Thinking Through Fashion: A Guide to Key Theorists* (2015), соредактор *Delft Blue to Denim Blue: Contemporary Dutch Fashion* (2017) и др. Руководитель исследовательской программы «Создание носимых устройств; Модные технологии» (2013–2018). Сейчас на пенсии.

Фемке Снелтинг – художница, дизайнер, разрабатывающая проекты на стыке дизайна, феминизма и свободного программного обеспечения. Основной член Constant, ассоциации искусств и средств массовой информации, которая работает с 1997 года в Брюсселе. Constant создает, среди прочего, перформативные публикации, кураторские процес-

сы, поэтические цифровые продукты, новаторские исследования и образовательные эксперименты. Вместе с Харой Рочаей регулярно работает с интерфейсами между гендером, репрезентацией и технологиями.

Йонас Сталь – художник-визуалист, его работы посвящены взаимосвязи между искусством, пропагандой и демократией. Основатель художественной и политической организации New World Summit; вместе с ВАК, basis voor actuele kunst, соучредитель New World Academy; содиректор утопического лагеря Training for the Future. Его проекты широко выставлялись на таких площадках, как V&A, Лондон, музей Стеделийк, Амстердам, М_НКА, Антверпен, Moderna Museet, Стокгольм, а также на биеннале в Берлине в 2012 году, Сан-Паулу в 2014 году и Тайбэе в 2020 году. Его последняя книга *Propaganda Art in the 21st Century* (2019).

Карл Стил – адъюнкт-профессор английской литературы в Бруклинском колледже и Центре выпускников Городского университета Нью-Йорка. Автор книг *How to Make a Human: Violence and Animals in the Middle Ages* (2011), *How Not to Make a Human: Pets, Feral Children, Worms, Sky Burial, Oysters* (2019). Его новый проект, который предварительно называется *The Irrational Animal*, посвящен общим культурным историям разума, неразумия и идеи свободы у людей и животных.

Рави Сундарам – профессор Центра изучения развивающихся обществ (CSDS), Дели. Соучредитель программы

Sarai. Автор книг *Pirate Modernity: Media Urbanism in Delhi* (2009), *No Limits: Media Studies from India* (2013). Соредактор серий *Sarai Reader*. Его недавняя книга *Ethnopharmacology* (2022). В настоящее время заканчивает свой следующий книжный проект *Events and Affections: post-public media circulation*.

Дженна Сутела – художница, чьи инсталляции, текстовые и звуковые перформансы призваны обнаружить прекарные социальные и материальные аспекты технологий и отреагировать на них. Она исследовала чрезвычайно сложные биологические и вычислительные системы, полностью непознаваемые и находящиеся в постоянном состоянии становления. Сутела выставляла свои работы в Доме мировых культур в Берлине, Институте современного искусства в Лондоне, Музее современного искусства в Токио и др.

Пауло Таварес – архитектор и урбанист, проживающий в Сан-Паулу; его работы посвящены отношениям конфликта и пространства. Объемля различные медийные и концептуальные форматы, его дизайн, визуальное искусство и тексты выставлялись и публиковались в разных контекстах по всему миру. Был приглашенным исследователем в Корнельском университете и в Школе архитектуры Принстонского университета, до этого преподавал дизайн и пространственную теорию в Школе архитектуры Папского католического университета Эквадора в Кито. Получил докторскую степень в Центре изучения архитектуры, Голдсмитс, и сотрудничает

на долгосрочной основе с проектом Forensic Architecture.

Тициана Терранова – адъюнкт-профессор новых медиа и культурологии Департамента гуманитарных и социальных наук Неаполитанского университета L'Orientale. Она много писала о культурной политике цифровых медиа, сетевых технологиях и медиакультуре в рецензируемых журналах и отредактированных сборниках. Автор книг *Corpi nella rete* (2015), *Network Culture: Politics for the Information Age* (2004), *After the Internet: Digital Networks between Capital and the Common* (2022).

Кристи Тидвелл – адъюнкт-профессор английской литературы и гуманитарных наук в Горно-технологической школе Южной Дакоты. Ее статьи опубликованы в журналах *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment* (ISLE), *Extrapolation*, *Femspec* и *Americana: The Journal of American Popular Culture c 1900 to Present*, а также в нескольких сборниках. Соредактор *Gender and Environment in Science Fiction (Ecocritical Theory and Practice)* (2018).

Катрин Тиле – адъюнкт-профессор гендерных исследований в Утрехтском университете. Получила образование критического теоретика с исследовательским опытом в области континентальной философии, феминистских теорий различий и (пост)гуманистических исследований. Автор книг *The Thought of Becoming: Gilles Deleuze's Poetics of Life* (2008), *The Ends of Critique: Methods, Institutions, Politics* (2022), соредактор *Happy Days: Lebenswissen nach Cavell*

(2009), *Biopolitische Konstellationen* (2011) и др. Сооснователь и координатор Междисциплинарной сети по критическим гуманитарным наукам Terra Critica.

Оксана Тимофеева – доктор философских наук, член группы «Что делать», автор книг «Это не то» (Издательство Ивана Лимбаха), *Solar Politics* (Polity Press, 2022), «Родина» (М.: Сигма, 2020), *How to Love a Homeland*, Kayfa ta, 2020), *History of Animals* (Maastricht: Jan van Eyck, 2012; Bloomsbury, 2018), «История животных» (М.: НЛО, 2017), «Введение в эротическую философию Ж. Батая» (М.: НЛО, 2009).

Иниго Уилкинс – писатель и лектор в Новой школе исследований и практики Калифорнийского института искусств. Работает во многих дисциплинах: звуковая культура, когнитивная наука, философия и финансы. Содиректор онлайн-журнала *Glass Bead*, его статьи опубликованы в таких журналах, как *Litteraria Pragensia*, *Mute Magazine* и *HFT Review*.

Джеймс Уильямс – почетный профессор философии в Институте гражданства и глобализации имени Альфреда Дикина Университета Дикина. Автор книг *Gilles Deleuze's Philosophy of Time: A Critical Introduction and Guide* (2011), *Gilles Deleuze's Difference and Repetition: A Critical Introduction and Guide* (2-е изд. 2013), *A Process Philosophy of Signs* (2016), *The Egalitarian Sublime: A Process Philosophy* (2021) и др.

Шеннон Уиннабст – профессор; занимается изучением

проблем женщин, гендеров и сексуальности в Университете штата Огайо. Автор книг *Queering Freedom* (2006), *Way Too Cool: Selling Out Race and Ethics* (2015), редактор *Reading Bataille Now* (2007) и соредактор журнала *philoSOPHIA: A Journal of Continental Feminism*.

Джереми Уокер – лектор в программе социальных и политических наук в Технологическом университете Сиднея. Его интересы включают возрождение пиротехнологий австралийских аборигенов, историю искусственных биосфер и климат-контроля, а также антиципирующую политику промышленной микробиологии. Автор книги *More Heat than Life: the Tangled Roots of Ecology, Energy and Economics* (2020).

М. Беатрис Фази – научный сотрудник в области цифровых гуманитарных наук и вычислительной культуры в лаборатории гуманитарных наук Университета Сассекса. Ее научные интересы находятся на стыке философии, естествознания и техники. Ее текущая работа связана с изучением границ формальных алгоритмов в вычислениях и направлена на реконцептуализацию контингентности в формальных аксиоматических системах в их связи с технонаучными понятиями неполноты и неисчислимости.

Франческа Феррандо – доктор философии, магистр гендерных исследований, занимается философией постгуманизма; она преподает философию в Нью-Йоркском университете в рамках Программы либеральных исследований.

Много публиковалась на тему пост- и трансгуманизма. Итальянское издание ее книги «Философский постгуманизм и его другие» (ETS – 2016, издательский дом ВШЭ – 2022) было удостоено философской премии «Витторио Сайнати» с благодарностью президента Италии. Она также является одним из основателей NY Posthuman Research Group.

Элиза Фьоре – адъюнкт-профессор городской географии Департамента географии человека и территориального планирования Утрехтского университета. Область ее научных интересов включает феминистский постгуманизм, исследования чувственного восприятия и памяти. Была личным ассистентом профессора Розы Брайдогги в Центре гуманитарных наук Утрехтского университета. Защитила докторскую диссертацию в Университете Неймегена по теме *Gentrification, Race, and the Senses: A Sensory Ethnography of Amsterdam's Indische Buurt and Rome's Tor Pignattara*.

Майя и Рубен Фоукс – искусствоведы, кураторы и содиректоры Транслокального института современного искусства – базирующегося в Будапеште центра транснациональных исследований восточноевропейского искусства и экологии, в своей работе разрушающего дисциплинарные границы искусствоведения, современного искусства и экологической мысли. Майя Фоукс является автором книги *The Green Bloc: Neo-avant-garde Art and Ecology under Socialism* (2015). Вместе Майя и Рубен написали книги *River Ecologies: Contemporary Art and Environmental Humanities on the Danube*

(2015), *Art and Climate Change* (2022).

Ансельм Франке – куратор и автор. В 2013–2022 годах возглавлял отдел визуальных искусств и кино в Доме мировых культур в Берлине. Он был главным куратором Тайбэйской биеннале в 2012 году и Шанхайской биеннале в 2014 году. Его выставочный проект *Animism* в сотрудничестве с различными партнерами демонстрировался с 2009 по 2014 год в Антверпене, Берне, Вене, Берлине, Нью-Йорке, Шэньчжэне, Сеуле и Бейруте. Сокуратор выставок *Liebe und Ethnologie: Die koloniale Dialektik der Empfindlichkeit* (2019–2020), *Ceremony (Burial of an Undead World)* (2022) и др. Получил докторскую степень в Голдсмитском колледже в Лондоне.

Мэтью Фуллер – профессор культурологии и директор центра исследований культуры в Голдсмитском колледже университета Лондона. Автор книги *How to Sleep: The Art, Biology and Culture of Unconsciousness* (2018), соавтор *Urban Versioning System v1.0* (ALNY), соредактор книги *Software Studies, a lexicon* (2008) и журнала *Computational Culture*. Участвует в ряде проектов в области искусства, медиа и программного обеспечения.

Джек Халберстам – профессор кафедры английского языка и сравнительного литературоведения и Института исследований женщин, гендера и сексуальности в Колумбийском университете, занимается изучением этнической принадлежности народов Америки, гендерными исследованиями.

ми и сравнительным литературоведением. Автор книг *Skin Shows: Gothic Horror and the Technology of Monsters* (1995), *Female Masculinity* (1998), *In A Queer Time and Place* (2005), *The Queer Art of Failure* (2011), *Gaga Feminism: Sex, Gender and the End of Normal* (2012) и *Wild Things: The Disorder of Desire* (2020) и др.

Патрик Ханафин – профессор права в Юридической школе Биркбека Лондонского университета, где он также руководит Центром права и гуманитарных наук Юридической школы. Его исследования связаны с вопросами права и биополитики, права и литературы, прав человека и гражданства, а также конструирования сообщества и идентичности. Написанные им книги включают *Conceiving Life: Reproductive Politics and the Law in Contemporary Italy* (2007), *Deleuze and Law: Forensic Futures* (в соавторстве, 2009), *After Cosmopolitanism* (в соавторстве, 2013).

Донна Дж. Харауэй – почетный профессор Департамента истории сознания и Департамента феминистских исследований в Калифорнийском университете, Санта-Круз. Автор многочисленных книг и эссе, соединяющих вопросы науки и феминизма, таких как *A Cyborg Manifesto* (1985), *Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective* (1988), *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature* (1991), *Modest_Witness@Second_Millennium*, *FemaleMancMeets_OncoMouse™: Feminism and Technoscience*

(1997) и *When Species Meet* (2008).

Элисон Харви – адъюнкт-профессор и координатор коммуникационной программы в колледже Глендон Йоркского университета. Ее исследования сосредоточены на вопросах инклюзивности и доступности в цифровой культуре с акцентом на гендер и труд в цифровых играх. Автор книг *Gender, Age, and Digital Games in the Domestic Context* (2015), *Feminist Media Studies* (2019). Ее тексты также публиковались в ряде междисциплинарных журналов, включая *Social Media & Society*, *Games & Culture*, *International Journal of Cultural Studies* и др.

Хизер Хаузер – преподаватель американской и английской литературы в Техасском университете в Остине. Сотрудничает с Центром женских и гендерных исследований и Центром Рапопорта по правам человека и справедливости. Область ее научных интересов включает художественную литературу США конца XX – начала XXI века, гуманитарные науки об окружающей среде, медицинские гуманитарные науки, исследования науки и техники, воспроизводство и климат, теорию влияния и культурологические исследования информации. Ее первая книга *Ecosickness in Contemporary U.S. Fiction: Environment and Affect* (2014) получила премию Ассоциации по изучению искусства современности (ASAP).

Эрнст ван ден Хемель – религиовед, литературовед; специализируется на перекрестных связях религии, насле-

дия, политики и массовой культуры. Научный сотрудник Института Меертенса и преподаватель Утрехтского университета, член междисциплинарной исследовательской группы NL–Lab, которая изучает голландскую культуру и идентичность в прошлом и настоящем. Является председателем Голландского общества религиоведческих исследований.

Штефан Хербрехтер – внештатный исследователь, работал научным сотрудником в Университете Ковентри и профессором английского языка и культурологии в Гейдельбергском университете. Автор книг *Posthumanist Shakespeares* (2012), *Posthumanism: A Critical Analysis* (2013), *Before Humanity: Posthumanism and Ancestrality* (2022). Соредактор научных журналов *CounterText*, *Culture Machine*, *Word & Text* и др.

Хелен Хестер – адъюнкт-профессор кафедры медиа и коммуникаций в Университете Западного Лондона. Автор книг *Beyond Explicit: Pornography and the Displacement of Sex* (2014), редактор серии книг *Sexualities in Society* издательства Ashgate Publishing, соредактор сборников *Fat Sex: New Directions in Theory and Activism* (2015) и *Dea ex Machina* (2015).

Ингрид Хёльцль – независимый ученый, специалист по теории изображения и художник-акционист, художественный руководитель коллектива General Humanity. Защитила докторскую диссертацию в Берлинском университете Гумбольдта, работала исследователем и преподавателем в уни-

верситетах и академиях искусств по всему миру. Ее исследования в области мягких изображений и постизображений были опубликованы в журналах, последнее – в *Palgrave Handbook of Image Studies* (2021).

Эрих Хёрль – профессор медиакультуры в Институте культуры и эстетики цифровых медиа (ICAM) Университета Леуфана в Люнебурге, а с 2022 года занимает должность вице-президента по исследованиям. В последнее время работает над теорией и историей разрушения (disruption), считая разрушительность ключевым аспектом понимания современного мира; его публикации посвящены истории, проблемам и вызовам состояния современной техники. Является знатоком творчества Симондона, Хайдеггера и Гваттари.

Том Холерт – искусствовед, критик, куратор и художник. Бывший редактор *Texte zur Kunst* и *Spex*. Холерт является почетным профессором теории искусства и исследований культуры в Академии изящных искусств Вены. Наряду со своими статьями о современном и позднем модернистском искусстве в журналах он (в соавторстве) написал книги по визуальной культуре, политике, войне, мобильности, гламуру и правительности (governmentality) нашего времени. В настоящее время его исследования сфокусированы на вопросах искусства и знаний, а также на генеалогиях внедрения современного искусства в производство знаний и педагогику.

Ауд Сиссель Хоэль – профессор кафедры медиаисследований и визуальной культуры в Норвежском университете

науки и технологий. Ее исследования касаются роли изображений и орудий труда в познании и мышлении, с особым вниманием к фотографии, научным инструментам, измерениям, медицинским изображениям и визуализации. Публикации Хоэль охватывают широкий круг тем по пересекающимся областям визуальных исследований, естествознания и философии медиа.

Стейси Элеймо – профессор английского языка, заслуженный преподаватель, директор по изучению окружающей среды и исследованиям в области устойчивого развития в Техасском университете в Арлингтоне. Ее публикации включают *Undomesticated Ground: Recasting Nature as Feminist Space* (2000), *Bodily Natures: Science, Environment and the Material Self* (2010) и *Protest and Pleasure: New Materialism, Environmental Activism and Feminist Exposure* (2016) и др.

Цз Ман Чан – художница-номад; путешествуя между Гонконгом и отдаленными Оркнейскими островами на севере Шотландии, она создает произведения, совмещающие перформанс, инсталляцию и видеоарт. Сокуратор фестиваля *Papay Gyro Nights*, предоставляющего участникам площадку для встречи искусства, мысли и земли.

Мел Й. Чен – доктор лингвистики, адъюнкт-профессор кафедры гендерных и женских исследований Калифорнийского университета в Беркли, руководитель Центра изучения сексуальной культуры. Научные и преподавательские интересы включают квир- и гендерную теорию, изучение жи-

вотных, критическую расовую теорию и азиатско-американские исследования, исследования ограничений физических возможностей, естественно-научные изыскания и критическую лингвистику. Автор книги *Animacies: Biopolitics, Racial Mattering, and Queer Affect* (2012), в которой исследуются вопросы расиализации, квиринга, инвалидности и аффективной экономики.

Кети Чухров – доктор философских наук. Автор многочисленных публикаций по философии, теории искусства, культуры и политики в журналах *Afterall*, «ХЖ», *Artforum*, *Brumaria*, *Documenta magazines*, *E-flux journal*, «Вопросы философии», «Логос» и т. д. С 2012 по 2017 год – руководитель научно-теоретического отдела ГЦСИ. Среди ее книг *Pound & £* (1999) и «Быть и исполнять: проект театра в философской критике искусства» (2011), сборник драматических поэм «Просто люди» (2010), *Desire and Boredom in Soviet Socialism* (2020). Сферой научных интересов является перформативность, влияние политэкономии исторического социализма на его эпистемы, искусство как институт современности в контексте научно-технической организации.

Мирко Тобиас Шафер – адъюнкт-профессор Департамента новых медиа и цифровой культуры в Утрехтском университете и директор Утрехтского института данных. Его исследовательский интерес вращается вокруг социально-политического влияния медиатехнологий. Автор книги *Bastard Culture! How User Participation Transforms Cultural Production*

(2011), соредактор *Digital Material: Tracing New Media in Everyday Life and Technology* (2009), *The Datafied Society: Study Culture through Data* (2016) и др.

Шила Шейх – лектор Центра исследований культуры в Голдсмитс-колледже Лондонского университета; исследует связь постколониальной культуры и глобальной политики. До этого являлась научным сотрудником и координатором публикаций в финансируемом ERC проекте *Forensic Architecture*, базирующемся в Центре исследовательской архитектуры. В настоящее время работает над монографией *Staging Environmental Justice*, в рамках которой рассматривает то, как может выглядеть экологическое правосудие в рамках и за рамками международного права, а также как экспериментальные, спекулятивные форумы могут воплотить в жизнь деколониальное представление об экологической справедливости. Наряду с написанием научных статей работает с художниками, акционистами, активистами и т. д.

Тамара Шеперд – адъюнкт-профессор Департамента коммуникации, медиа и кино в Университете Калгари. Изучает феминистскую политическую экономию цифровой культуры, анализируя труд, политику и грамотность в социальных сетях, мобильных технологиях и цифровых играх. Член редакционной коллегии издания *Social Media + Society*. Ее статьи были опубликованы в *Convergence*, *First Monday*, *Triple C* и в *Canadian Journal of Communication*.

Вандер Эйкельбоом – писатель и культуркритик, инте-

ресующийся континентальной философией, партиципаторными медиакультурами и телесным опытом интерактивных медиа. Он преподает медиаисследования в Утрехтском университете и Академии мультимедийного и коммуникационного дизайна (CMD) в Бреде. Руководитель, исследователь, автор и главный редактор проекта *Sense of Smell*, результатом которого стали книга *Sense of Smell* (2014) и инсталляция *Famous Death*.

Пьер Юиг (род. 1962, Париж) – живет и работает в Париже и Нью-Йорке. Учился в *Ecole Nationale Supérieure des Arts Décoratifs* в Париже. Имел многочисленные международные персональные выставки в таких местах, как и Центр Помпиду (Париж, 2013–2014), Музей искусств округа (Лос-Анджелес), Музей Людвига (Кельн, 2014), Метрополитен-музей (Нью-Йорк, 2015) и др.

Коллективы

Critical Software Thing – это коллектив художников, мыслителей и исследователей, заинтересованных в осмыслении «вещи» с позиции *software studies*. Толчком для рождения группы послужила серия дискуссий о понятии исполнения (*execution*), то есть проблема исследования того, чем на самом деле является исполнение и как оно может быть связано с компьютерной программой. Авторы книги *Executing Practices*, выпущенном издательством *Autonomedia* в серии

DATA Browser (2018). Авторами представленной статьи являются члены коллектива *Critical Software Thing* Одри Самсон, Леа Малдтофте, Винни Сун, Эрик Снодграсс и Франсиско Гальярдо.

Коллектив MTL, Ниташа Дхиллон и Амин Хусейн, объединяет в своей практике исследования, эстетику и действие. Ниташа – визуальный художник, проживает в Нью-Йорке и Нью-Дели и в настоящее время готовит диссертацию на кафедре медиаисследований Государственного университета Нью-Йорка в Буффало. Амин – палестино-американский юрист, художник и организатор, проживающий в Нью-Йорке. Он в течение пяти лет занимался юридической практикой до того, как стал художником, пройдя обучение в Школе Международного центра фотографии и в Программе независимого обучения Уитни. В настоящее время Амин преподает в школах Галлатина и Стейнхардта в Нью-Йоркском университете и в программе Пратта для дипломников.

The Otolith Group / Группа «Отолит» – это отмеченный наградами творческий коллектив и организация, основанная Анджаликой Сагар и Кодво Эшуном в 2002 году. Она создает фильмы, инсталляции и перформансы, на базе обширных исследований истории научной фантастики и наследия транснационализма. Группа Otolith была включена в шорт-лист премии Тернера в 2010 году.

Territorial Agency / Территориальное агентство – независимая организация, которая инновационно продвига-

ет устойчивые территориальные преобразования и работает над ними. Основанная архитекторами и урбанистами Энн-Софи Рённског и Джоном Палмезино, она занимается укреплением возможностей местных и международных сообществ в комплексном управлении пространственными изменениями. Проекты направляют имеющиеся пространственные ресурсы на развитие их полного потенциала. Агентство работает над созданием инструментов и методов обеспечения более высокого архитектурного и градостроительного качества на современных территориях.

А

Алгоритм

Пожалуй, наиболее распространенные формы алгоритмов – представленные в сознании большинства пользователей компьютеров и интернета – имеют место в корпоративных приложениях и взаимодействии с интерфейсами: поисковый алгоритм Google, обеспечивающий представление ранжированных (упорядоченных) результатов; рекомендации будущих покупок от Amazon, eBay или Alibaba, основанные на индексах значения покупательских привычек; потоки обновляемых Facebook⁷ -статусов, поставленных в очередь и доставляемых в качестве сигналов для ответных действий и дальнейшего распространения; размещение рекламы на боковой панели почты Gmail и многочисленные «бесплатные» коммуникационные приложения, обращающие биты (и байты) ваших сообщений в потенциальную возможность перевести коммуникацию в финансовое русло. Функциональные возможности этих алгоритмов по своему замыслу появляются и действуют на уровнях, доступных человеческому восприятию. Уровни абстракции, функции кода, отношения

⁷ Запрещенная на территории РФ социальная сеть.

между кодом, аппаратным обеспечением и человеческой соматикой, а также темпоральные характеристики вычислений и передачи данных через интернет не появляются, не взаимодействуют и не работают на доступном или каком-либо еще сознательном уровне человеческого восприятия. В этой невосприимчивости человека к обороту и извлечению стоимости вычислительный алгоритм предстает в качестве артефакта постчеловечества и капиталоемца.

Для многих пользователей критическое знание об этой артефактности является предметом если не консенсуса, то по крайней мере сознательного подхода, однако материальность, функциональность и модальность алгоритмов остаются в самом классическом смысле слова в черном ящике – знание, получаемое из демонстрируемых наглядных следствий, эффектов, без понимания процесса. Демонстрируемые же эффекты составляют лишь малый срез задуманных (включая неосознанные) аффектов: желаний, соматических и ритмических. Но чтобы добраться до этой запутанности эффектов и аффектов, ящик нужно открыть и задаться простыми вопросами: «Что такое алгоритм? Что он может? Что он создает?»

Алгоритм сам по себе – явление, к вычислениям не относящееся. Это набор модульных или автономных инструкций, последовательно выполняемых, чтобы нечто сделать или создать, включающий необходимые элементы, ограничения и процедуру, взятые вместе в динамике. Когда опреде-

ления алгоритмов предлагаются технически неосведомленной аудитории, алгоритм часто объясняют с помощью метафоры рецепта выпечки. Список ингредиентов соответствует вводу, а массив данных и/или переменных вместе с пошаговой инструкцией, как смешивать, соединять, просеивать, бланшировать и подогревать, соответствует процедурным, встроенным, вложенным командам повторения и возврата, составляемым с помощью кода. И так же, как рецепт тыквенного хлеба не есть испеченный тыквенный хлеб, код сам по себе тоже не является алгоритмом, пока его не запустят. Материализация тыквенного хлеба или поиска Google есть по своему исполнению интраакция, воплощенная в определенных материальностях, одновременно дискретных и модульных. Предыдущее предложение предполагает, что для того, чтобы наше метафорическое равенство осталось верным, тыквенный хлеб мог бы легко, но с другим ингредиентом стать банановым. Но так не получается. Материальность банана не *равна* тыквенной. Хотя часть специй, которые используются в дополнение и к тыкве, и к банану, одинаковые, остальные – разные. Химия запекания бананов ближе к запеканию яиц, а не тыкв. Суть здесь сводится к вопросу материальных различий и возможностей (affordances) алгоритмов аналоговых и алгоритмов вычислительных.

Химический процесс выпекания тыквенного хлеба, включая температуру и время, основан на отслеживании комбинированных материальных ритмов муки, разрыхлителя и со-

ды, сахаров, специй, масел растительных и/или сливочных, яиц и/или бананов и сахарной тыквы. Даже в этом списке ингредиенты и процесс различаются, если тыквенный хлеб возникает в виде диаграммы из веганских и чисто растительных материальных ритмов, из растительного, а не сливочного масла, из бананов, а не яиц или же в виде диаграммы сцепления животных и растительных материальных ритмов. Об этих материальных ритмических различиях можно подумать с *существенной* долей абстракции как о различиях в материально-ритмическом конструировании функций для устройства на основе Android и устройства на основе Apple OS. Метафору можно расширить еще дальше, включив в нее бессознательные эффекты и аффекты: запеченные сахарно-углеводные соединения в тыквенном хлебе при попадании в пищеварительный тракт человека увеличивают уровень сахара и в крови, ускоряя метаболизм и вызывая инсулиновый ответ, который замедляет и притупляет функции тела и мозга (и так далее, и так далее, и так далее...). Отношения быстроты и медлительности, ритмы сложных интраактивных материй, составляющих *тело*. Этот ритмический материальный процесс, отчасти доступный восприятию, известный своими эффектами и аффектами, достаточно буквально действует в темпоральных рамках человека, тела, а не только и не исключительно сознания.

А что с материальными ритмами вычислительных алгоритмов? Какой пищеварительный коррелят не подразуме-

вает поедание вычислительного устройства? Если говорить откровенно, вычислительные алгоритмы выполняются – и только – на вычислительных устройствах. Пример псевдокода (частично код, а частично описание алгоритма либо функции естественным языком):

```
a = 0;  
при (a <= 100; a = a + 1) {  
    печать (a, ",") };
```

Машины считывают по одной строчке за раз, сверху вниз, если не изменить направление. Первая строчка, $a = 0$, – это ингредиент, или описание переменной. Первая часть второй строчки говорит устройству, *как долго* готовить, $a \leq 100$, или так долго, пока a меньше или равно 100. Это *считается*. Вторая часть второй строки уточняет процесс, который произойдет с ингредиентом или переменной, $a = a + 1$, что при первой итерации (и всех последующих) означает, что каждый раз, когда a вбрасывают в смесь, a увеличивается на единицу, $a = 0 + 1$ [следовательно, после первого выполнения $a = 1$]. Фигурные скобки можно сравнить с резервуаром, содержащим результаты нашего цикла. Так что устройство «печатает» 1, но, что самое важное, это «при» означает, что мы остаемся в цикле, пока a не превысит 100. Так что резервуар, функция печати, будет наполняться, пока не получит $a = 100$, и машина будет печатать 1, 2, 3, [...], 100, а затем остановится. Этот результат будет достигнут меньше чем за секунду после нажатия кнопки «выполнить» без необходимости

сти что-либо понимать в вычислении, темпоральности, условиях и ограничении или формате вывода. Этот результат *не является* процессом. Как и объяснение синтаксиса алгоритма.

Каждый символ, элемент синтаксиса и системная функция («при») в этом очень простом куске псевдокода – в исполнении – представляет собой нечто совершенно иное *для машины*. a , $=$ и 0 первой строки – это связанные байты (bundled bytes), код внутри кода, соответствующий компоновке электрических цепей, временному и затухшему импульсу в памяти. При, $a \leq 100$ и т. д. – это вложенные функции, наборы кода внутри наборов вложенного кода, которые заставляют цепочки с a танцевать, двигаться, меняться, заряжаться и разряжаться, ритмический импульс, не-импульс, импульс, скрытый в самой материальности цепочек. Так как a считается, повторяется до 100, машина резонирует, вибрирует, нагревается, заряжается и разряжается. Алгоритм (algorithm) более точно понятен как алгоРИТМ, как материальные заряды, резонансы, темпоральности в утробе машины, а также как направленные и сконструированные заряды, резонансы, темпоральности, распределяемые вдоль и поперек (across and through) ее ритмически питаемых и беспорядочных интерфейсов, полностью совместимых с человеческими соматическими зарядами, биоритмами, аффективно-эстетическими проявлениями. Меньше чем за секунду. Спрятанные в черный ящик в эффектах сознания, превзой-

денные в бессознательных аффектах. Тела, в движении и покое, ограничении и замысле, энергетике и дискретных материальностях, интраакциях, модульных, автономных функциях и соматических расстройств.

Свайп. Клик. Холд. Проверить. Контрольная сумма. Проверить. Лайкнуть. Купить прямо сейчас.

Постчеловеческие алгоРитмы.

Вторжение Google в наши личные данные даже царапины на коже не оставит.

См. также: [Вычислительный поворот](#); [Альтергоритм](#); [Алгоритмические исследования](#); [ИИ \(искусственный интеллект\)](#); [Информационная непрозрачность](#); [Общество метаданных](#); [Сетевой аффект](#); [Не-человеческая агентность](#); [Постчеловеческая этика](#).

Джейми «Скай» Бьянко

(Перевод Екатерины Хмелинской)

Алгоритмические исследования

В основе алгоритмических исследований лежит эпистемологическое утверждение о том, что цифровые технологии видоизменяют условия возможности ряда важнейших дискурсивных и материальных практик. Эти практики и формы их производства, представления, распространения и обращения включают определение Бытия, структурирование Социального, инструментализацию Политического и активизацию Культурного. Посредством интенсивных вмешательств в саму структуру этих ключевых концептуальных практик они переоснащают – и во многом заново производят – саму природу того, что мы понимаем под жизнью как таковой.

В частности, Бруно Латур и Эдуарду Вивейруш де Кастру описали значительные сдвиги, произошедшие с категориальными различиями, относительно стабильно существовавшими в рамках западного проекта Модерна. Посмотрите на возрастающую неразличимость человеческого и животного, человеческого и не-человеческого – классические бинарные оппозиции нарушены повсеместным вторжением технического опосредования. Развивая сенсорные возможности и эволюционируя в своей «разумности», цифровые технологии делают возможным и материализуют другое состояние Бытия между (или по ту сторону?) человеком и животным, ни с одним из них не совпадающее, однако затрагивающее

их обоих. Эти технологии пронизывают нашу плоть и сливаются с нашей кожей и кровью; они перестраивают наши нейронные сети и меняют мыслительные паттерны, по мере того как объекты приобретают всевозрастающие возможности для «умного» обучения, реакции, суждения и ответа. Эти перемены глубоко влияют на сознание, на органы чувств, на эволюцию и познание как человеческих, так и не-человеческих агентов. И даже эта бинарная оппозиция может больше не устоять: можем ли мы начать думать о цифровом в *ачеловеческой* (*ahuman*) форме – как о самостоятельном цифровом агенте, с собственной разумной способностью, чье миропонимание действительно выходит за антропоцентрические рамки?

Ключевым элементом этого смещения перспективы и возможности этого другого определения Бытия выступает вычислительный алгоритм. Его можно коротко определить как инструкции или правила, написанные языком, подходящим для того, чтобы компьютер мог обработать задачу и впоследствии решить ее либо выполнить. Заняв свое место в новой триаде (наряду с человеческим и животным), цифровая технология совершает двойной прорыв. Алгоритм не только обретает собственную жизнь, но также берет на себя и наши жизни – до такой степени, что мы начинаем говорить об отдельной алгоритмической жизни и ее условиях в многочисленных существующих в мире ее воплощениях. Со сдвигом и развитием вычислительной культуры мы можем про-

яснить не только состояние алгоритмических условий жизни в XXI веке, но также определить ее неудачи и промахи, а также то, как вычислительная культура не справляется с выполнением обещанного. Анализ правил, глюков и ошибок имеет огромное значение для оценки подъема и упадка алгоритмов. Если коротко, то такой анализ формирует новое дискурсивное поле, где алгоритмы становятся объектом социально-критического исследования.

Разработанный нами Кодекс⁸ устанавливает параметры изучения алгоритмических детерминаций (Peters, 2012) экономической, социальной, политической и культурной жизни наряду с развивающимися формами их бытия и действия. В нем приводится далеко не полный список предложений к изучению алгоритмических состояний (states), анализу производимых алгоритмами форм жизни и критическому осмыслению масштаба переплетений жизни с алгоритмами и алгоритмическими операциями. Кодекс выражает наш призыв к алгоритмическим исследованиям (АИ), открывая изучение определенных, переработанных и произведенных алгоритмами горизонтов бытия.

Кодекс

Данные – это валюта нашего времени.

⁸ Jenna Ng и David Theo Goldberg, «Кодекс алгоритмических исследований», <http://algorithmicstudies.uchri.org/codex/>.

В основе движения потребительной и меновой стоимости данных находятся алгоритмы.

Производство, сбор, распространение, обращение и владение данными эффективны ровно в той степени, в какой таковыми являются делающие их возможными алгоритмы.

Алгоритмические исследования (АИ) – это критическое изучение социальной, политической и культурной жизни алгоритма и условий его изменения, эволюции и возможности. Они дают критическую оценку социальному порядку (и упорядочиванию) жизни, на которую влияют алгоритмы.

АИ – это изучение цифровизации данных, датафикации жизни, распространения приложений и проникновения их в наше существование, биоинструментализации, инструментализации и калькулируемости повседневности.

АИ – это изучение алгоритмического знания, его эпистемических формаций и формулировок.

АИ – это изучение алгоритмически произведенных сетей, машинного производства интеркоммуникации сетевых машин. Таким образом, АИ – это изучение алгоритмически обеспечиваемой машинной жизни. АИ – это изучение алгоритмического субъекта: социального и политического субъекта, произведенного алгоритмической практикой и воспроизводящего ее, а также ее формы бытия, действия и становления.

АИ – это изучение алгоритмически установленных (пред-)сказуемых фьючерсов и структурируемых ими субъек-

ектов потребления.

АИ – это, соответственно, критическое изучение алгоритмически моделируемого реструктурирования агентности и ее утраты, автономии, ее структур и ее ограничений.

Если коротко, АИ – это критика алгоритмического капитализма, его способа производства, бытия и субъективности; жизни в переходе и жизни в потреблении; политической культуры и культурной политики.

АИ – это изучение всевозрастающей транзитивности превращенной в данные социальной жизни, ее программирования, ее кодов и ее приложений: алгоритмического.

См. также: [Алгоритм](#); [Альтергоритм](#); [Вычислительный поворот](#); [Феминистская постгуманитаристика](#); [Постдисциплинарность](#); [Толерантности и длительность](#).

*Дэвид Тео Голдберг и Джэнна Нэ
(Перевод Екатерины Хмелинской)*

Альтергоритм

Альтергоритм получил свое имя от слова «альтернатива», обозначающего возможность состояния дел, отличного от имеющегося в настоящий момент, и слова «алгоритм», означающего определяющее вычислительные операции, множество автономных правил, часто используемых в математике, программировании, оценке рисков и в первую очередь спекулятивных операциях⁹. На самом деле я использую этот термин, чтобы обозначить им практики предвидения альтернативных, часто невозможных сценариев при помощи формальных моделей, то есть все тех же алгоритмов, ставящих под вопрос естественные законы вероятности.

Троп альтергоритма – это, на мой взгляд, реакция на два накладывающихся друг на друга процесса. Первый из них – это окружение, среда, вращающаяся – экологически, экономически и политически – за пределами нашего контроля. Многие, включая меня самого, описывали эту реальность как возвращение Истории с большой буквы, но все более популярные антропоцен (Steffen et al., 2007) или даже капиталоцен – термин Джейсона В. Мура (Moore, 2014), означаю-

⁹ Впервые я предложил теорию альтергоритма в своем очерке «Мысли о пространстве современной скульптуры, или Одурачивание», опубликованном в сборнике *Sculpture Unlimited II* (Berlin: Sternberg, 2015) под редакцией Йорга Хайзера и Евы Грубингер.

ций корреляцию между нашим экологическим состоянием и условиями капиталистического существования, – подойдут, пожалуй, для подобной маркировки еще лучше. Второй процесс, на который отвечает альтергоритм, – это то, что Ульрих Бек (Beck, 1992; Бек, 2000; см. также Giddens, 1998) называл «обществом риска», и то, что в относительно недалеком прошлом стали попросту называть «алгоритмической культурой» (Striphas, 2015). Это стремление современной культуры использовать алгоритмы, коды и симуляции для предсказания и упреждения возможных результатов существующих процессов. Летчик во время обучения, например, может использовать симулятор полета, чтобы протестировать свою способность реагировать на все возможные сценарии; инвестиционный банкир может разработать алгоритм предсказания цены актива; страховая компания подсчитывает вероятность несчастных случаев, болезней и смертей; а во время первой войны в Персидском заливе, как утверждал Жан Бодрийяр (1995), американская армия предусмотрела все упомянутое выше, разыграв сценарий пьесы в точности до запятой без согласия и за счет своего врага. Другими словами, то, на что отвечает альтергоритм, – это степень, в которой первый процесс является антитезисом или, возможно, индикатором провала последнего. Возращение Истории – это сценарий, который либо не был предсказан алгоритмами, либо, что более вероятно, не был чем-то, что декодеры, преобразующие данные, захотели прочесть.

Что я имею в виду под альтергоритмом – это *карта актуального будущего, возникающего из виртуального настоящего*, в противовес обычному алгоритму, который используют для отображения виртуального будущего в рамках параметров реального настоящего. Альтергоритм – это имя практики, в искусстве или где-либо еще, использующей алгоритм, код или симуляцию для разработки сценариев, которые скорее произойдут, чем нет, либо просто не смогут произойти; или же ставят под вопрос, что может произойти, а что – нет. Это относится к произведениям искусства, чей сюжет развивается по маловероятным траекториям из неопределенных или нестабильных отправных точек. Другими словами, современный альтергоритм делает утверждение «как если бы»; алгоритм же общества риска задает вопрос «а что, если».

Как утверждал немецкий философ-рenegат начала XX века Ганс Файхингер (2009), связка «как если бы» – это аналогия: «как» – условие, «если бы» – сравнение с нестабильным другим; это уравнение, в котором меняются не только переменные, но и постоянные величины. Если обращаться с одним сценарием так, *как если бы* он был другим, независимо от того, в каком взаимном отношении они находятся, вы открываете условия спора. Голландский художник Йонас Сталь, например, обсуждая политику так, как если бы это было искусство, поднимает совершенно новые вопросы и альтернативные ответы. Многие из этих вопросов и отве-

тов, будучи переведенными обратно в политику, не имеют смысла, а некоторые могут помочь переосмыслить, что есть политика и чем она может быть¹⁰.

Вопросы по типу «а что, если», задаваемые «обществом риска», являются, напротив, закрытыми. Как объясняет на своем сайте подразделение сценарного планирования компании Shell:

«Shell Scenarios задается вопросом “а что, если?”, чтобы исследовать альтернативные взгляды на будущее и создать основанные на них правдоподобные истории. Там учитывают долгосрочные тренды в экономике, спросе и предложении в области энергоресурсов, геополитических сдвигах и социальных изменениях, а также мотивирующие факторы, которыми вызываются изменения. Таким образом, Shell Scenarios помогает сформировать образы будущего».

Shell, 2015

Другими словами, вопросы «а что, если» рассчитывают все возможные маршруты, по которым можно отправиться из своего текущего положения. «Что произойдет, – спрашивают они, – когда ты повернешь налево здесь, направо там, опять налево, еще налево и потом направо?» или «Куда ведет эта дорога?». Троп альтергоритма действует, *как если бы* сценарий мог произойти и – особенно – если бы не мог; алгоритм спрашивает, какие сценарии осуществляются, интере-

¹⁰ См. также Vermeulen, 2014.

суясь исключительно теми, что могут произойти. Суть альтергоритма – не столько предсказать будущее, сколько подумать, расширить возможности настоящего. Как можно ожидать от цифрового кода, альтергоритмическое утверждение «как если бы» часто излагает иное либо нечеловеческое настоящее (см. недавнее, опубликованное Polity в 2013 году, отличное исследование постгуманизма у Розы Брайдогги с критическим рассмотрением природы этого настоящего).

Неудивительно, что троп «альтергоритм» особенно распространен в том жанре, или мироощущении, в искусстве, которое так или иначе связывает логику, эстетику, способ производства, распространения или потребления с интернетом и его воздействием на современную культуру. В действительности, думая об альтергоритме, я в первую очередь думаю в том числе и о проектах таких художников, как Эд Аткинс, Катя Новицкова, Ян Ченг, Тимур Си-Квин, Ву Цанг, Марк Леки, Александра Доманович, Лоуренс Абу-Хамдан, Оливер Ларич¹¹.

В видеоперформансах Эда Аткинса вслед за чтением им (его голос в записи) монологов о смысле жизни происходит моделирование его цифрового аватара. Однако, заметно отличаясь от аватаров в ролевых играх, здесь он не являет-

¹¹ Было бы интересно посмотреть, как практики этих художников соотносятся с так называемыми алгористами, новой сетью медийного искусства, основанной в середине 1990-х Романом Веростко и Жан-Пьером Эбером. Обзор их работы под названием All.go.rhythm недавно показали в Украинском институте современного искусства в Чикаго (октябрь – ноябрь 2015 года).

ся ни двойником, инсценирующим предполагаемый нарратив своего органического аналога, ни неадекватным заменителем его бессвязного подсознательного, потерявшего свое нормальное местоположение в человеческом теле. А теперь гибриды, тела без гениталий, затем развоплощающиеся, голова, изолированная в темноте, голова сжимающаяся, голова, которая сдувается как шарик, говоря аналоговым голосом из цифрового царства со всеми и ни с кем конкретно, – аватары Аткинса перемежают невнятную чушь с большими теориями, небрежное курение с прочувствованными признаниями в любви. В одной из его последних инсталляций в галерее Serpentine под названием Ribbons (2014) они даже страстно исполняли любовные песни Рэнди Ньюмана и Баха. Здесь симуляция представляет не сценарий возможного будущего, но постчеловеческий поток сознания настоящего, поднимающий вопросы как о его устойчивости, так и вообще о возможности хотя бы одной будущей истории.

Вышедший в 2013 году кольцевой клип Яна Ченга «Entropy Wrangler» также представляет постчеловеческий цифровой поток сознания. Но если для Аткинса постчеловеческое означает ситуацию, являющуюся альтер-гуманистической, то Ченг изображает буквально *после*-человеческий сюжет, где ни один человек не вмешивается в действие. Он разработал алгоритм, который реплицирует непредсказуемость: один раз случается одно, в другой раз – другое. Отправная точка – данное – это виртуальное проявление

неопределенного пространства, заполненного стулом, мячиком, схематичной человеческой фигуркой и несколькими другими предметами. При нажатии предметы начинают перемещаться, каждый раз по-разному, иногда врезаясь друг в друга, иногда отдаляясь, затем разламывая стул, теперь ломая фигурку и т. д. Алгоритм учитывает некоторые законы природы, но не все, приводя к появлению сценариев, которые совершенно невероятны, а также нерациональны, поскольку у их появления нет ни логической, ни постижимой для человека причины. Чего добивается алгоритм Ченга, так это воображения, превосходящего возможности человеческого разума, поскольку оно рождается без человеческого вмешательства и не следует человеческой логике, но, в свою очередь, явно даст пищу творческим способностям человека.

Что демонстрируют эти кажущиеся не связанными друг с другом примеры Аткинса и Ченга (так как есть много других тематических исследований, способных развить, добавить нюансы и проблематизировать эти два случая) – это желание создать в искусстве модели, которые, во-первых, отражают возможность мира развиваться по-другому вместе с или даже независимо от человеческого взаимодействия, и, во-вторых, использовать технократические модели предсказания, чтобы представить эти альтернативные сценарии, бросающие вызов любым прогнозам. Кажется, что смысл здесь в призыве не столько к миру без людей, сколько к миру, где

люди способны учесть варианты, отличные от тех, что возникают в их собственных, ограниченных, привязанных к телу мозгах; варианты, которые вполне могут поддержать шансы этих людей на выживание. Полагаю, в этом смысле альтернативному в искусстве нет нужды долго искать свои философские аналоги: новый материализм, спекулятивный реализм, объектно-ориентированную онтологию (ООО).

См. также: [Алгоритм](#); [Алгоритмические исследования](#); [Информационная непрозрачность](#); [MakeHuman](#); [После интернета](#); [Толерантности и длительность](#).

Тимотеус Вермюлен

(Перевод Екатерины Хмелинской)

АНИМИЗМ

«Анимизм» означает космос, где теоретически все является живым, коммуницирует и потенциально обладает свойствами «персоны» или как минимум агента определенного вида. Он описывает мир, в котором все социальные и онтологические границы проницаемы и могут пересекаться при определенных обстоятельствах, мир становлений и метаморфоз, в котором нет никакой сущности, предшествующей тем множествам отношений, что дают ему жизнь.

С точки зрения государственного порядка, в связи с тем, что последний опирается на стабильные идентичности, все виды анимизма представляют собой потенциальную угрозу. Следовательно, все рассуждения о «диком анимизме» сосредоточены вокруг вопроса о том, что допускается в общественный коллектив, с полным статусом и правами, а что получает лишь незначительный, подчиненный статус либо полностью исключается. Граница, разделяющая настоящего «человека» и всех остальных – первобытных, дикарей, животных, сумасшедших, – это не просто данность, а культурная конструкция и одновременно продукт эволюции с некоторыми отличиями, пожалуй, менее подверженными изменению, чем другие, так как для пересечения границы между растением и человеком всю космологию и порядок ее элементов пришлось бы перевернуть.

Последствия колонизации

Анимизм, происходящий от латинского *anima*, неизбежно связывает вопросы коммуникабельности и ее средств с издавна дискутируемыми вопросами о душе и ее отношении к материальности. Является ли душа свойством только человеческих существ или это сфера медиальности, условие возможности быть-внутри-средства-коммуникации? Унаследовав более ранние теологические дискурсы, транспонированные в светские и новые научные словари, концепт оказался критическим узлом дискурсивной формации колониального модерна XIX века с его озабоченностью по поводу средств, материальности и адекватности неевропейского знания.

Опираясь на классическую философию и на бушующий тогда спор о витализме и спиритизме, Эдуард Б. Тайлор (возглавивший первую университетскую кафедру антропологии) придал термину его привычное значение в своей главной работе «Первобытная культура» (1871). Анимизм обозначал «веру в духов», которая была для Тайлора универсальным источником религии. Он притязал на то, чтобы объявить так называемые первобытные культуры неспособными оценить материальный мир.

Тайлор утверждал, что все религии берут начало в приписывании жизни, души или духа неодушевленным объектам. Согласно этой теории, европейцы продвинулись от анимиз-

ма через политеизм к монотеизму, а оттуда на высшую ступень науки, поднявшись из естественного состояния до состояния цивилизации. Коренные народы Северной и Южной Америки, Азии и Полинезии, напротив, остались позади в этом эволюционном процессе и являются такими же дикими пережитками естественного состояния. Хотя Тайлор занимался и прямой, и косвенной легитимацией колониальной повестки, он также был одним из тех европейских авторов, кто заговорил о ментальном единстве всего человечества – факте, имеющем огромное значение в климате научного расизма, зачастую открыто отрицавшего неевропейскую рациональность или даже человечность. Несмотря на огромное влияние на теорию культуры – от психологии до искусства, – анимизм Тайлора отвергали на протяжении XX века из-за слишком явного эволюционизма и его ставки на то, что Клод Леви-Стросс обозначил как «архаическую иллюзию» – ложную характеристику современного примитивизма, смешивавшего детей, дикарей и сумасшедших, объявленных пережитками архаического прошлого. В конце XIX и начале XX столетий «анимизм» часто упоминали при попытках европейцев объяснить онтологическую загадку способа коммуникации в так называемых первобытных обществах, а также медиумические феномены в западных обществах и появление технологических средств. Поэтому дискурс анимизма составлял «медиа-технологический фантазм» (см. Noerl, 2015), онтологически расположенный в бездне между дихо-

томиями, образовавшимися между (картезианскими) полюсами материи и сознания, субъекта и объекта, людей и природы. Также на него часто ссылались, когда концептуальные определенности, относящиеся к этим полюсам и способу их репрезентации, давали трещину, обозначая пороговую зону столкновения с инаковостью и онтологическим различием. На протяжении всей своей истории этот термин обозначает попытку зафиксировать противоречивые моменты концептуальной путаницы, от обещания трансформируемости и абсолютной познаваемости, несмотря на все онтологические границы, до отношения к этим же границам как непреодолимым и совершенно непереводаемым.

Современное использование

В последнее время концепция вновь возродилась в спорах, которые во многом критически зеркалят и подвергают сомнению онтологические деления и предпосылки модерна и его стандартной метафизики. В основе новых толкований анимизма – не тождество и бытие, а скорее становление как эхо альтернативной линии западной философии¹². Это воскрешение анимизма как «реляционной онтологии» является, пожалуй, показателем более глубокого кризиса западного объективизма в условиях новой информационной парадиг-

¹² См., например, Viveiros de Castro (2004), Bird-David (1999), Descola (1992) и Holbraad, Willerslev (2007).

мы (см. Hoerl, 2015).

Постоянный вызов понятия анимизма заключается в императиве переосмыслить границу между людьми и их другими, так как его минимальное требование состоит в том, чтобы по крайней мере эти границы и вытекающие из них категории могли быть потенциально переосмыслены. Характер этого понятия как настоящей концептуальной и воображаемой границы подчеркивается тем фактом, что для большинства европейских авторов, пишущих об анимизме, как и для Тайлора, «духи» других в действительности остаются загадочными и недоступными. Кажется, что «духи» категорически ускользают от методов объективации западной эпистемологии. В рамках соответствующих систем знания и дисциплин большинство авторов не способны признать «реальность» их онтологического статуса и потому переносят их в другие онтологические категории – как явления из области психологии или даже искусства.

Говорить об анимизме сегодня по-прежнему означает приближаться к границам матрицы западной мысли. Этим понятием модерн попытался дифференцировать себя от своего другого «я» жестом инклюзивного исключения, отдавая такой инаковости место в рамках собственной матрицы. Инаковость анимизма – это в то же время и горизонт, очерчивающий и окружающий модерн и его цивилизационный дискурс со стороны как прошлого, так и будущего. Прошлого, потому что анимизм, описываемый этнологами и психо-

логами конца XIX века как исконная основа «религии» (ср. Hoerl, 2005; Schuttpelz, 1872; Schott, 2015), являет собой то, что цивилизация модерна должна подавить и оставить в прошлом, чтобы стать цивилизованной и современной. Но анимизм также появляется и на другом конце вектора времени – в качестве будущего состояния, когда отчуждение и крупнейшие водоразделы современности предстанут преодоленными. Поэтому политизированный дискурс анимизма может быть связан не с субъективностью восприятия, а с субъективностью так называемого объекта. Не одна лишь историография рабства и колониализма требует рассмотрения вопроса об анимизме наизнанку, если можно так выразиться.

Анимизм и капитализм

На протяжении оставшейся части XX столетия анимизм перестал выполнять функцию исключенного из модерна альтернативного образа. В середине XX века Клод Леви-Стросс объявил о конце «архаической иллюзии» (Levi-Strauss, 1949), и этот конец связывали с крахом субстанциального мышления и его дуалистических противопоставлений человека и природы, души и тела и даже живого и неживого. На основе информационных технологий, кибернетики и системных теорий эти оппозиции все больше устаревали. Вся вторая половина XX века свидетельствует об онтологической трансформации, в ходе которой категории, репрезен-

тативная, материальная и трансцендентальная мысль западного модерна постепенно сменяются коммуникационной парадигмой, достигающей своей наивысшей точки в переформулировании реальности на реляционных основаниях.

И сегодня мы по-прежнему живем в рамках этого нового дискурса: ранее исключенная (изгнанная в бездну «архаики») середина теперь перемещается к центру: «Все происходит в середине», за счет «медиации, перевода и сетей» (Latour, 1993: 76; Латур, 2006: 104). В мире распределенного сознания, где возможностью агентности наделены человеческие и нечеловеческие протагонисты, в ядре производства теперь располагается не придание формы миру предметов в процессе человеческого труда, а модуляция сред, и в них – «трансиндивидуальное» измерение производства субъективности (ср. Aspe, 2013). «Возвращение» анимизма в центр модерна, по сути, является результатом компьютеризации, опыта медиальных окружающих сред и их цепей обратной связи.

Горизонт неолиберальной идеологической мобилизации – это, как недавно предложил Ахилле Мбембе, тождество капитала и анимизма (Mbembe, 2015: 17). Оно очерчивает горизонт деобъективизации, горизонт реляционного субъекта в поле расширенной медиальности. Анимизм капитала – это ресурс, который дает неолиберальному субъекту доступ к (само)трансформируемости и, что, возможно, более важ-

но, следуя императиву гибкости и экологического поведения, к средствам адаптации. В каком-то смысле механизмы, описанные Фрейдом, согласно которым анимист проецирует свое сознание на мир, становятся все большей реальностью в алгоритмизированном мире цифрового *отслеживания* и цифровой *слежки*. По крайней мере в той степени, в какой разница между сознанием и миром аннулируется, когда мы обитаем в цепях обратной связи, постоянно сталкиваясь с предпочтениями и проекциями наших собственных цифровых профилей.

См. также: [Анимизм \(Limulus\)](#); [Антропос](#); [Не-человеческая агентность](#); [Антропизм/имманентный гуманизм](#).

Ансельм Франке

(Перевод Екатерины Хмелинской)

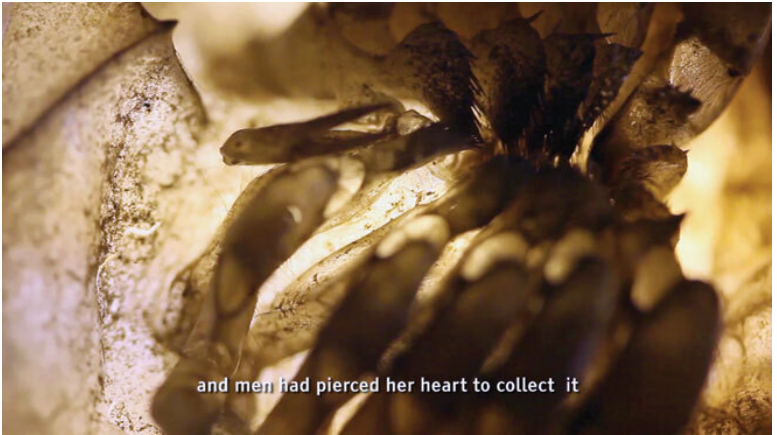
АНИМИЗМ (limulus)

Limulus – это фильм. Рассказчик – сверхъестественный кусок морского мусора.

См. также: [Анимизм](#); [Не-человеческая агентность](#); [Биологическое/живое искусство](#); [Гиперморе](#); [Многовидовое](#).

Карен Крамер

(Перевод Екатерины Хмелинской)

continually breaking and reforming

Кадры из фильма Карен Крамер *Limulus*, 2013
[Подписи на фото]:
«и люди пронзили ее сердце, чтобы забрать его»
«постоянно ломая и преобразовывая»

Анонимность

Я скорблю о потере своей анонимности каждый день.

В письме своим сторонникам из тюрьмы активистка-анархистка, арестованная за самопальный «стингер» (доску со множеством гвоздей остриями вверх) на выезде из полицейского участка в Бристоле, скорбит о том, что из неназванной силы ее статус сменился на известную величину (Shepherd, 2015). Потеря анонимности, переход из плюрипотентной личности в нечто, имеющее досье, имя, адрес и дату рождения, биометрические данные, известных соратников и связи с организациями, – это источник страдания. Для нее анонимность – это территория свободы, шанс перемещаться по городу без регистраций, без ожиданий, не заражая других этой чумой, грозящей потерей анонимности и вызовом интереса у полиции в случае фиксации контакта с ней. Потеря анонимности в этом случае – трагедия, потеря себя в идентифицируемости как силе, которая отрицает анонимность, меняет форму и потрошит составляющие ее возможности, пространства ее чувств и действий.

У анонимности есть свои структурные условия и своя предыстория, свои очертания, меняющиеся со временем в связи с технологиями, используемыми государством, наукой

и средствами информации. В более широком смысле анонимность – это не только темный плащ революционера, но также пространство, в котором много жизни и в котором – в историческом смысле – разворачивались события. Анонимность – это пространство эволюции и становления жизни, состоящей из взаимодействий с миллионами неназванных существ. То, как различные исторические моменты передают напряженность между процессом обретения имени, описания и познания и анонимностью как первичным состоянием, составляет скрытые слои состояния знаний.

Литература XIX века и благом, и проблемой сделала город как двигатель и театр анонимности. Ночь и близость тысяч неизвестных личностей стали пространством, в котором могли зародиться такие герои, как «массы». Огромность человеческой силы, движущей промышленность, заполняющей трущобы, поглощающей ресурсы, воспроизводящей и делающей неназванные вещи в анонимных пространствах, – это главная тема и представляется как пространство свободы, восхищения или отвращения. Здесь история становится огромной черной комнатой в задней части паба, пространством, в котором тела корчатся вместе без имен и без обязательств, хотя и пронизанные в разной степени системами номенклатуры, полученной с человеческим инструментарием. Стать действующей силой истории, а не просто промелькнуть во времени в таком контексте означало движение вперед-назад через границу безымянности в разные времена и

разными способами, наделяя процесс словами, произнося их, иногда прикрепляя их к чему-то, что стало предметом.

Вопрос отчуждения, в ходе которого человек стал чужим для самого себя, через работу, обязательства, обычаи и даже эксперимент, иногда как освобождение, а иногда как страдание, является центральным для этой эпохи, но это также была и эпоха, когда анонимность по отношению к самому себе становится, как пишет Эдуар Глиссан, с точки зрения непрозрачности парадигмой вопроса о собственном бытии (Glissant, 1997). Знание и анонимность не взаимоисключающи, они переплетены. Для Фуко эти две тенденции согласовывались посредством «анонимного шепота» (Foucault, [1973] 1994; Фуко, 1994) – дискурса, в котором идеи времени развивались не в четко определенных действиях мира философии, а в комплексах идей и действий, формирующих способы познания и действия в медицине и в гуманитарных и естественных науках в более широком смысле. Исследование невысказанных и эксплицитных условий этого процесса – от формулировок дисциплин до распространения техник – предоставляет, в свою очередь, первичные средства распознавания того, каким образом технологии участвуют в формировании и индукции знания. В таком состоянии для Фуко проблема заключалась в том, чтобы найти способ стереть свое имя, получить помощь в исчезновении под плащом анонимности (Foucault, 1996).

В контексте этого противоречия между анонимностью и

механизмами познания такая позиция образует основу для формирования многих режимов анонимности в современной политике при особом условии, что такая политика тоже частично подготовлена и встроена в технологические формы. Можно сказать, что в широком смысле здесь две тенденции и ни одна из них не защищена от другой: дискурс о правах человека и связанная с ним – хотя и отчасти противоречивая – напряженность между анонимностью и конфиденциальностью в вычислительных и сетевых цифровых средствах.

В современную эпоху права человека были сформулированы в противовес обезличивающим функциям камер, пыток, братских могил и трудовых лагерей, которые сами использовали механизмы идентификации и учета, направленные на стирание сингулярности индивида (Wachsmann, 2015). Правозащитный дискурс состоит в идентификации и привлечении внимания к тем, кто стерт из памяти и исключен. Он превозносит и защищает людей, у которых нет документов на их имя, тех, у кого нет доступа ни к чему, кроме анонимности. Он обнаруживает способы стирания и обеспечивает обратный инжиниринг таких процессов, чтобы дать имя их механизмам и операторам (Forensic Architecture, 2014). При этом ему нужно преодолеть трудности, чтобы предложить универсализированную версию человечества, которая действует не как состояние солидарности, а как агент дифференциации того, что оказывается выше и ниже такого стан-

дарта, и которой – как только она сама будет кодифицирована и превращена в юридического оператора – можно будет манипулировать теперь уже против тех условий, какие изначально предполагалось защищать. Таковы, например, условия в Газе, где, как описывает Эяль Вейцман, защита прав человека используется израильскими военными юристам, чтобы описать и, таким образом, еще сильнее ужесточить ограничения изнутри (Weizman, 2012). Таким образом, права человека становятся и парадоксальным, и универсальным основанием, являющимся одновременно и лентой Мёбиуса, выворачивающейся наизнанку в гротескных изгибах, и основным барьером, и баррикадой, которые тоже могут перевернуться и стать контуром настоящей бетонной стены на границе.

Наряду с этим условием существует еще и отношение между приватностью и анонимностью в цифровых медиа. В то время как анонимность подразумевает необходимость не быть названным или существовать вне условий регистрации имен, приватность должна поддерживать идентичность как ресурс: распределить ее, оперировать ей, поскольку она уже вошла в экономику идентификации, но держится в резерве как актив частнособственнического индивидуализма. Основная бизнес-задача масштабных платформ, нацеленных на создание и усиление глобальных монополий в определенных разновидностях цифровых информационных услуг, – это стирание анонимности. Впоследствии они разрушают и то,

что считается приватностью. Частью этого состояния является то, что создает новые политические движения: те, что рассматривают неприкосновенность приватного пространства как форму прав человека, и те, что порождают анонимность как форму конфликта и отказа. Анонимность, представленная множественным именем «Анонимус» (Anonymous), используемым хакерами, также является декларацией солидарности в этом состоянии, образом неизвестности как благородства (Coleman, 2014). Здесь те, кого идентифицировали и изолировали от этого течения, часто демонстрировали проницательный политический анализ сегодняшнего дня.

Один конкретный эпизод, возможно, является симптоматичным для взаимосвязанных линий разлома этого состояния. В 2012 году люди, использующие имя «Анонимус», слили через WikiLeaks журнал электронной почты консалтинговой группы Stratfor. Работа Stratfor связана с торговлей политической и экономической информацией, часто направленной против политических активистов и правозащитных движений, особенно тех, что могут иметь последствия для дальнейшей прибыли отраслей, основанных на добыче полезных ископаемых. Информация, ставшая причиной обнародования этих данных, поступила от хакера по имени Сабу, агента-provokatora, поддерживаемого ФБР. В опубликованных данных был список подписчиков Stratfor, а также изложенные истерически трезвым тоном советы, как действовать против новых угроз для статус-кво. Здесь личность (инфор-

матора), анонимность (источников информации и хакеров) и приватность (компаний-подписчиков и других лиц, в том числе судьи, определившего исход последующего судебного разбирательства) сплелись в узел, раскрывающий их критическую роль в качестве параметров современных форм жизни. Важно отметить, что все три связаны с различными модальностями власти, влияющими на их возможности и на то, что будет происходить с ними со временем. Права на собственность и неприкосновенность частной жизни устанавливают защитные границы вокруг возможности распространять анонимное бормотание, которое, в свою очередь, искупает легкость нарушения установленных прав рабочих и тех, кто живет в частях мира, предназначенных для истощения ресурсов. Простые факты о том, кто попадает в тюрьму, а кто нет, какая информация поступает и что из нее утекает, кто остается анонимным, а кто в таком случае нет, позволяют с удивительной легкостью давать имена.

См. также: [Алгоритм](#); [Утечки и медиарасследования](#); [Общество метаданных](#).

Мэтью Фуллер

(Перевод Екатерины Хмелинской)

Антропизм / имманентный гуманизм

Я предлагаю перенастроить и переориентировать значение понятия «гуманизм» в пользу антропизма, имманентного гуманизма (в понимании имманентности у Спинозы, Де-Лёза и Балибара). Но сначала давайте подумаем, стоит ли сохранить что-либо из изначального понятия гуманизма, что было бы полезным не только в отношении мышления о людях, но и в отношении наших действий в качестве человеческих существ. Можно ли удержать некие предпосылки понятия, которое, как кажется, лишилось всех своих исходных установок, преодолев пространство от проекта до идеологии, поддерживавшей как самые чудовищные, так и самые возвышенные человеческие поступки? Гуманизм сегодня единодушно признан изворотливым концептом, который, как отмечает Вито Джустиниани (Giustiniani, 1985), меняет свое значение от языка к языку даже внутри одной языковой семьи (от немецкого к французскому), языковой традиции (от континентальной Европы к Великобритании) и политической генеалогии (от греческой к латинской). Гуманизм вообще – это, несомненно, антропоцентрическая практика. В центр мира она ставит человеческое существо в его ренессансном понимании, производном от *humanus*, который, опираясь на трансцендентность собственного значения, всегда уже является сущностью, опирающейся на то, что она

исключает, будь то женщины, чернокожие, коренное население Америки, темнокожие, африканцы, туземцы. Это понятие и эта практика были упразднены в «Споре о древних и новых», когда классическое содержание гуманизма было заменено обращением к науке и технике. Как отмечает Джустиниани, в классической латыни слово *humanus* несло в себе вдобавок к различным характерным особенностям человеческого существа (одним из которых была речь) еще два атрибута человека, одним из которых было «великодушие», а другим – «ученость». Джустиниани показывает, что, если в классическую эпоху основной особенностью была «ученость», то в эпоху средневековой латыни она была утрачена, тогда как «великодушие» сохранилось. Отсюда Джустиниани делает вывод, что «в Античности „*humanus*“ определял природу человека сверху вниз, по направлению к животному, тогда как в Средние века более важным стало определение человеческой природы снизу вверх, к Богу» (Ibid.: 169). Кажется, именно из этого гуманизма произошло то, что называется «колониальным гуманизмом», гуманизмом, опиравшимся на великодушие и филантропию колониалистов и их местных ставленников (Césaire, 1972; de Gennaro, 2003; Wilder, 2005; Cooper, 2006).

Немецкое неоклассическое движение в архитектуре конца XVIII – начала XIX века (само по себе являвшееся результатом немецкой эллиномании, фанатичного поклонения Древней Греции), обращавшееся скорее к древнегреческому, чем

к древнеримскому искусству, бросило вызов гуманизму того времени, основанному на латинском наследии. Оно ввело в оборот немецкий *Neuhumanismus*, предпочитавший греческую мысль (и демократию) римской мысли (и *res publica*). Вплоть до появления Гитлера.

В пространство между гуманистическим великодушием *Humanismus* (тех, кого Эме Сезер назвал в своей «Записной книжке № 53» «благодетелями человечества») и рациональностью и возвышенностью *Neuhumanismus* вошел Эдвард Саид (2004). Здесь он провел различие между хайдеггеровским гуманизмом как логосом его метафизического отношения к априорному Бытию и тем, что под гуманизмом понимал сам Саид, он наполнял его своим опытом изгнания, экстерриториальности и бездомности. Имея в виду искажения, пережитые гуманизмом в его европоцентричных версиях, Саид призвал к новому виду гуманизма, «гуманизму как практике, пригодной для использования интеллектуалами и учеными, которые хотят понимать, что они делают, во что они верят как исследователи, а также хотят соединить эти принципы с миром, в котором живут как граждане» (Saïd, 2004: 6). Саид понимал гуманизм как «процесс нескончаемого раскрытия... самокритики и освобождения... как демократичную, светскую и открытую критику... чья цель заключается в том, чтобы сделать вещи доступными критическому исследованию в качестве продуктов человеческого труда» (Ibid.: 21–22), как гуманизм, который по аналогии с

«нееврейским евреем» Исаака Дойчера привлекал бы «негуманистического гуманиста» (Ibid.: 77). Это гуманизм, основанный на понимании – нет, на требовании – признания общей принадлежности к человечеству. Это требование звучит то у Франца Фанона, то у Эме Сезера, то в высказываниях Малькольма Икса, у заключенных тюрьмы «Аттика» и палестинцев из сектора Газа, то в надписях на плакатах, которые держат на границе Греции с Македонией беженцы и иммигранты, умоляющие дать им безопасный проход в безопасное место.

Итак, я тренирую свой взгляд, чтобы видеть новую версию гуманизма – имманентного, светского, демократического и антропологического. Этот гуманизм будет и дальше тревожить и выводить из равновесия поле, устроит беспорядок в архиве. Это гуманизм, в центре которого находится человечество. Он одновременно и не возвращается к исходному антропоцентризму Просвещения, но и не представляет человека заново как свой случайный опыт, человека, помещающего *незнание* себя, ложное признание субъектом субъекта, в центр нового политического проекта обещанной автономии. Имманентный гуманизм, который слушает, как люди определяют себя, гуманизм, который является *антропизмом*, обходящим исключаящие механизмы прошлого и предлагающим сегодня *anthropos* заново, за пределами какой-либо трансцендентности, не вовлекаясь ни в какую метафизику.

См. также: [Антропос](#); [Антропоцен](#); [Критический постгу-](#)

манизм; Постгуманизм; Постгуманистическая критическая теория.

Нени Панургия

(Перевод Ольги Дубицкой)

Антропос

Антропос имеет содержание и свойства, и те и другие порождают обязательства. Logos (как язык, речь и логика), приписываемый исключительно антропосу, создает обязательство мыслить индуктивно, отделяющее его от языка животных. Hexis (как агентная привычка, вовлеченность в действия, которые признаются и разделяются социальным окружением) создает этику; to koīnōnikon (социальное) требует и создает политику.

Антропос – концептуальная замкнутость значения, от ἀνὴρ/ἄνδρoς (aner в именительном / andros в родительном падеже), человеческое существо, и ὄψ (ops), лицо, обличье, внешний вид, тот, кто выглядит собой, существо, похожее на себя, человеческое существо как таковое, без пола и гендера. Мы знаем об этом от Гомера, который говорит нам, что Зевс был отцом всех людей и богов (Ζεὺς πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε), а Эдип доводит Сфинкса до смерти, произнося не отсылающее ни к какому гендеру слово «anthropos» (и, читая это, я вспоминаю Мюриель Рукейсер)¹³ в ответ на загадку: «Что, разговаривая одним голосом, ходит на четырех ногах, на двух и на трех, и чем больше у него ног, тем оно слабее?» Этой загадке Сфинкса научили Музы, и она использовала ее,

¹³ Мое внимание к стихотворению Мюриель Рюкейсер «Миф» привлекла Афина Атанасиу (Athanasiou, 2008: 96).

отправляя мужчин на погибель.

Среди греков только спартанцы использовали гендерный вариант этого слова – *he anthrōpós*, дважды маркированный артиклем женского рода и ударением на последний слог. Спартанцы, знавшие цену, которой они наделяли мужское, но понимавшие и радикальную инаковость женского. Или, может, они подчеркивали эту инаковость по совершенно противоположным причинам, исходя из того, что именно женская особь, мать, полагала, что ее достигшему совершеннолетия сыну лучше умереть, чем быть трусом, когда она давала ему щит, приказывая не бросать его на поле сражения, а вернуться с ним или на нем (*ἢ τάν, ἢ ἐλί τάς*).

Есть один случай, когда *anthropos* появляется в женском роде. Плутарх использует *ten anthropon*, указывая на конкретную женщину, жену царя Спарты Агида Тимею, которая так отчаянно влюбилась в Алкивиада, что втайне забеременела от него, когда тот был гостем в царском дворце, а муж – на войне, «так велика была ее любовь!»¹⁴ – говорит Плутарх (*τοσοῦτος ἔρωσ κατεῖχε τὴν ἄνθρωπον*). Даже несмотря на то, что значение *aner* (*ἀνήρ*) к концу классической эпохи фиксируется и обозначает взрослого мужчину, *anthropos* так и не утратил своей не-гендерной силы и до сегодняшнего дня остается всеобъемлющим, немаркированным означа-

¹⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. «Алкивиад» 23.7. Перевод С. П. Маркиша, под ред. С. С. Аверинцева. Буквально: «Настолько эрос захватил эту человеческую особь». – *Прим. ред.*

ющим для человеческого существа.

У Платона в «Кратиле» (399) Сократ объясняет Гермогену значение слова *anthropos* (ἄνθρωπος) так: это единственное животное, которое наблюдает (ἀναθρεῖ) то, что «уловит очами» (ὄλωλε), следовательно, только это наблюдающее животное и можно называть антропосом, то есть тем, кто внимательно рассматривает то, что уловил, исследуя это и над этим размышляя. Оно является животным, которое «начинает приглядываться и размышлять над тем, что уловило» (ἀναθρεῖν ἃ ὄλωλεν), и одновременно занимается признанием и отрицанием, так как признает наблюдаемую жизнь и отрицает невозможность подобного наблюдения, оно знаменует собой *krisis*, критические мысли человеческого существа, одновременно изобличая свою животную природу.

В *Etymologicum Magnum* (византийском словаре, изначально составленном в середине XI века н. э. и напечатанном в Венеции в 1499 году в греческой типографии Захария Каллиерги) приводится следующая этимология слова антропос – «существо, которое смотрит вверх» (τὰρὰ τὸ ἄνω θρεῖν), так как это единственное существо, смотрящее вверх, и единственное, кто называет себя «Я»; эту этимологию позднее опровергли другие, более систематические этимологи. Но если это и не правда, то хорошо придумано, поскольку создает интересное сопряжение с этимологией от латинского *homo* (землянин) через греческое слово

ἄρσιν. Оно означает «землю» или «почву» (и его не стоит путать с другим термином, также восходящим к греческому, с homo, означающим «то же самое», и от которого, как ошибочно считается, Хэвлок Эллис образовал слово «гомосексуальный»). Перетекание anthropos в homo становится важным постольку, поскольку оно делает возможным предваряющее понятийное движение, выводящее термин «человек» из Античности и перекидывающее языковой мост к постантичному письменному ландшафту. Если anthropos означает существо, смотрящее вверх, а homo означает землянина, происходящего из почвы, тогда постепенно возникающее предпочтение термина homo кажется чреватым Падением, кажется, будто оно предвосхищает христианское «прах к праху». Джеймс Бун отмечает, что, несмотря на многочисленные отличительные признаки (таксономические инструменты, не многим более чем риторические преувеличения), приписываемые homo, – rationalis, ridens, ludens, thanatos, absurdus, oeconomicus, hierarchicus, aequalis, religiosus, magicus, saecularis, какой-либо-еще homo – и вопреки им, «абстрактный Homo – это скорее гуманистический anthropos: по своей природе одновременно комический и трагический, эгоистический и филантропический, способный и к аскетизму и к гедонизму...» (1982: 22–23).

Эти на первый взгляд безобидные категориальные классификации, провозглашающие утверждения о сути человеческого (homo, который смеется, мыслит логически, порожд-

дает символы, создает иерархии, религии, магию, понимает смерть, плавает по морям, занимается экономикой), чреватые не только собственным отрицанием (не просто тем, что человеческое существо не смеется, не трудится, не производит символы и не мыслит логически), но и своей радикальной инаковостью – не-человеческим. Подобные отрицающие утверждения делались в адрес коренных народов Южной и Северной Америки, Карибского бассейна (например, Хуан Хинес де Сепульведа; или папская булла 1537 года *Sublimis Deus*: см. Taussig, 1986); Черной Африки и африканских рабов в Америке (как в решении Верховного суда 1857 года в деле Дреда Скотта против Сэнфорда); афроамериканцев даже в наши дни (как в сокращении ННИ, «Non-Humans Involved», которое используется полицией США в случаях, где замешаны только афроамериканцы: Wynter, 1994; Panourgia, 2017); эмигрантов левых и коммунистических взглядов во время греческой гражданской войны 1946–1949 годов (Panourgia, 2009); хуту в отношении тутси в Руанде (Hilsum, 1994; Moshman, 2011; Baisley, 2014); жителей Андаманских островов в конце XIX века; нацистами в сторону евреев; по отношению к пуэрториканцам в материковых США (Herrera, 2008).

Таким образом, существует человеческое существо, которое выходит за пределы трансцендентальных, моральных или даже этических категорий, утверждая свое происхождение в качестве человека в своей имманентности при столк-

новении с техникой, насыщенной агентностью, с дубиной, химическим оружием, голой грубой силой, стремящейся уничтожить его, или даже, что, возможно, хуже, реорганизовать его по новой, а также тем, что невидимо: экономикой, рынками. Они стремятся создать человеческое существо, которое будет подчиняться иначе, с охотой и покорностью, вообразая себя свободно действующим агентом, тогда как в действительности, как мы неоднократно видели, оно всегда останется существом, обязанным кому-то еще. То есть антропосом.

См. также: [Зона отчуждения](#); [Вне/человеческое](#); [Лампе-дуза](#).

Нени Панургия

(Перевод Ольги Дубицкой)

Антропоцен

Большая часть дискуссий о глобальных изменениях климата затрагивает, как правило, обсуждение концентрации оксида углерода в атмосфере. Но, кроме атмосферы и вопросов экосистем пресной и морской воды, геологическая перспектива стала одним из главных для понимания фундаментальных изменений, происходящих с планетой. Это относится к признанию Земли целостной, взаимосвязанной системой обратной связи с различными нелинейными скоростями и темпами изменений, которые тем не менее могут вызвать значительные уровневые изменения (Steffen, Crutzen, McNeill, 2007: 615). Поэтому дискуссии о воздухе тоже имеют отношение к Земле, но будущее геологической эры, возможно, определяется океанами, в особенности тающим льдом (Wolff, 2014).

Концепция антропоцена подчеркивает переплетение геологического земного времени и человеческой истории; она стала причиной появления большого количества работ, данных, дискуссий, конференций, произведений искусства и философских идей и, конечно, искажений. Предложенная химиком Паулем Крутценом в 2000 году, она вызвала много дебатов как в геологических, так и более широких научных и художественных сообществах. Этот термин предполагает, что за 10–12 миллионами лет голоцена следует пери-

од ускоренного воздействия человека на планету (Crutzen, 2002). Согласно одной из периодизаций, начало антропоцена относится к XVIII веку, «когда в пробах воздуха, собранных в полярных льдах, обнаружили значительный рост концентрации углекислого газа и метана» (Ibid.). В любом случае исследователи обычно сходятся в определении этого периода как связанного с появлением нового дисбаланса в «запахах и потоках таких основных элементов планетарного механизма, как азот, углерод, фосфор и кремний» (Steffen et al., 2007: 614), а также в потреблении энергии. Похожие концепции появлялись начиная с XIX века, включая «Антропозойскую эру» Антонио Стоппани, но лишь в 2000-е влияние самой концепции было консолидировано с вопросами политической и научной эффективности. Уже в более ранних идеях отмечались специфические отличия человеческого воздействия от естественных изменений, что тогда стало предметом анализа при помощи особых научных инструментов, учитывающих исторические аспекты: что считать началом этого периода, а также его значение для будущего – где точка невозврата в этом процессе ускорения? Таким образом, мы имеем дело не с наивным предположением о «балансе» на планете, а с историзацией химических доз и элементов, реакций и процессов как единого значимого контекста, в котором разворачивается политика существования жизни.

Многие работы, включая самые популярные тексты об антропоцене, во многом перекликаются с историей техноло-

гий: появление сельского хозяйства – один из критических порогов, изменивших химические отношения на Земле. Еще один – изобретение огня. В историях об антропоцене часто упоминается паровой двигатель, а также современная синтетическая химия. Один из ключевых моментов – это, конечно, изменение экономики энергетики: от использования воды и ветра к добыче ископаемого топлива, такого как уголь и нефть. В работах о Великом ускорении акцент делается на энергетике и военной экономике после 1945 года с дальнейшей интенсификацией начиная с 1950-х из-за роста числа ядерных испытаний; глобальных процессов урбанизации; увеличения использования удобрений и различных других типов процессов технологического общества (Zalasiewicz и др., 2014).

В прошлом гуманитарные и социальные науки тоже нередко полагались на обобщающие периодизации. Человеческую историю разделили на эпохи капитализма, империализма и колониализма, а также на другие более ранние периоды, предлагающие эвристическую поддержку пониманию исторического времени. Некоторые из археологических периодов делают особый акцент на основных материалах, вокруг которых была организована культура: каменный век, бронзовый век, железный век. Из некоторых более поздних концепций также становится очевидна значимость отношения к природным ресурсам для понимания периода. Например, в своих работах Карл Маркс явно осознает измене-

ния промышленной основы производства, переход сельскохозяйственных отношений к новому метаболизму, связанному с фокусом капитализма на природных ресурсах. «Метаболизм» действительно был термином, который Маркс использовал, чтобы описать процесс труда «как процесс между человеком и природой, процесс, в ходе которого человек становится посредником, регулирует и контролирует метаболизм между самим собой и природой» (Foster, 2000: 141). Интересно, что Новое время – имеющее такое важное значение ориентира, особенно для социальных наук, – само как концепт было попыткой очистить природу от человеческой деятельности. Это, однако, само по себе скрывает многочисленные связи, пронизывающие искусственное разделение Nature-Nurture, и сложность отделения политики от науки и природы (Latour, 2014a: 21). Еще специфичнее и с еще более отчетливым пониманием политической экономии антропоцена Маккензи Уорк (2015a) продолжает теоретизирование Маркса, отмечая, что антропоцен на самом деле можно понимать как метаболические разрывы, движение материалов и труд, эти элементы мобилизующий.

С антропоценом любая более ранняя периодизация еще более непосредственно определяется научным пониманием Земли. Оно подразумевает как анализ человеческого воздействия, так и наоборот: прочтение человеческой истории через химию, атмосферу, геологию и т. д. Здесь есть скрытый вызов гуманитарным наукам. И поэтому неудивитель-

но, что появляется разнообразие подходов, проявляющих интерес к не-человеческому и постчеловеческому. Это важные способы, позволяющие избежать антропоцентрических ошибок и перейти, например, к более геоцентрическому пониманию жизни на планете (см., например, Braidotti, 2012; Bennett, 2010; Беннетт, 2018). Более того, благодаря этому появляются новые способы осмысления времени не только в рамках человеческой истории, но как времени, отмеряемого хроностратиграфией, использующей пласты горных пород в качестве основного источника понимания эволюции и изменений. Это перекликается с различными идеями теории и философии гуманитарных наук последних лет, открывающих новые подходы к темпоральности (см., например, Grosz, 2004). Время становится не привязанным к определенным антропоцентрическим онто-эпистемологиям и может учитывать множественность темпоральностей и альтернативную метафизику. Антропоцен приходит в современные дискуссии не просто как геология, а как политика визуальной культуры (Mirzoeff, 2014) и как требование переписать генеалогии культурной теории (Wark, 2015a). Более того, как концепт, относящийся к научной эпохе, он поднимает вопрос, важный для тех, кто исследует технику, а также вообще изучает медиа и гуманитарные науки: не только о том, что антропоцен значит для людей, но и о том, как природа обрамляется, перестраивается и становится целью (ср. Peters, 2015).

Несмотря на то, что он стал важной платформой для обсуждения климатических изменений и импульсом как для гуманитарных наук, так и для художественных практик, у антропоцена есть свои ограничения. Насколько действительно возможно обсуждать человеческую эпоху как нечто однородное в смысле человеческого воздействия, когда на самом деле следует учитывать специфические экономические и политические действия, часто характерные для капитализма, которые имеют очень неравномерные последствия для глобального водораздела между севером и югом (см. Chakrabarty, 2009; Чакрабарти, 2020)? В этой связи было также предложено говорить о капиталоцене (Moore, 2014; Naraway, 2015a; 2015b), а также о таких терминах, как антробсцен (anthrobscene) (Parikka, 2014) и хтулуцен (Naraway, 2015a; 2015b). Антропоцен говорит не о реальной агентности человека, а скорее о его вине и ответственности (Chun, 2015). Но как распределяется эта виновность – довольно острый политический вопрос. Мы должны уметь исследовать, как дебаты об окружающей среде и научный анализ реагируют на резко антидемократические силы неолиберальной эпохи и сдерживаются ими (Brown, 2014). Любая эффективная политика, связанная с антропоценом, в любом случае должна противостоять массивной политической мобилизации неолиберальной повестки, которая также является глобальной, неравномерно распределенной и чрезвычайно вредной для континуума материи-аффекта, определяющего

нынешнюю экологию. Другими словами, даже если антропоцен и ставит важный вопрос, то может быть не лучшим комплексным решением начать разбираться в сложных взаимосвязях между научным анализом природных процессов, политических повесток, экономических стимулов и аффективного желания, которое по-прежнему правит этим очень плотно зависимым от ископаемого топлива состоянием современной эпохи. С момента появления самого концепта идут дебаты о масштабной геоинженерии как одном из вариантов (Crutzen, 2002) решения, хотя, безусловно, любой подобный план планетарного уровня должен рассматриваться в контексте более широкого понимания политических и экономических ставок в экологической катастрофе, а также возможных путей выхода, где будут переплетены политика, природа и дизайн.

См. также: [Капиталоцен и хтулуцен](#); [Общая экология](#); [Земля](#); [Четыре элемента](#); [Постгуманистическая критическая теория](#); [Экохоррор](#); [Вымирание](#).

Юсси Парикка

(Перевод Екатерины Хмелинской)

Архитектурное расположение Ихнография, скенография, орфография

Понятие «архитектурного расположения» важно для постчеловеческого словаря, поскольку дополняет критически-ми методами новый интерес к «действующей материи». В наследии архитектурных трактатов это понятие является частью изобретенного в Древнем Риме набора категорий, предназначенных для рассмотрения того, что, как я хочу показать, очень похоже на «материально-дискурсивные устройства», которые сегодня все чаще становятся предметом исследований. Карен Барад справедливо подчеркивает, что эти устройства обладают агентностью системного рода (ср. ее понятие «аппарата»), действующей, так сказать, за спиной любого критического сознания, которое могло бы попытаться сосредоточиться на ней: подобное сознание либо фокусируется на материальных аспектах и остается слепым к дискурсивному диспозитиву, изнутри которого оно это делает; либо сосредоточивается на дискурсивных аспектах и в силу этого лишает безличную объективность автономии и силы сопротивления, присущих этому устройству. Как и в связке частица/волна в квантовой физике, оба этих аспекта одинаково реальны и значимы, однако явления в подобных устройствах

не могут быть наблюдаемы как одновременно состоящие из того и другого.

Кроме того, также невозможно обойти этот момент выбора посредством повторяющегося процесса, нагромождая отдельные наблюдения так, чтобы в какой-то момент сравнить их и в конце концов принять решение хорошо информированным образом. Потому что в самом подобном наблюдении присутствует необратимость, которую нельзя разрешить ретроспективно (см. *Негэнтропия, Демон Максвелла (неантропоцентрическое познание)*). В этой статье указывается именно на сходство между «материально-дискурсивными устройствами», обсуждаемыми в архитектурных трактатах, начиная с Витрувия, и теми, что сейчас находятся в центре новой материалистической политики, этики и науки: построенное здание действует ситуативно и асимметрично в отношении любых возможных намерений архитектора (какую бы красоту, истину, порядок или просто прагматику ни должно было выражать его здание), а также относительно того, как подобные намерения проецируются на произведение публикой, или дискурсом. Если агентность – это скорее проживаемое отношение, а не нечто, чем некто обладает или не обладает, тогда архитектурное расположение и понятийная триада, его составляющая (ихнография, скенография, орфография), могут помочь разработать методы квантового чтения и квантовой записи информации, выражающейся в математических моделях (Мишель Серр), – письменности, обхо-

дящейся без какого-либо идеализированного понятия о симметрии, для которой «чтение» и «письмо» включают математическое мышление и конститутивную асимметрию, дающую толчок самой ее изобретательской способности (см. [Уравнение \(математическое мышление\)](#)).

В своих «Десяти книгах об архитектуре» древнеримский архитектор Витрувий собрал все существовавшее в его время знание по архитектуре в одном исчерпывающем трактате, включая, конечно, строительство храмов, но также и сооружение солнечных часов, гномонов, и производство машин. Основной целью сбора всего разрозненного знания об архитектуре было обобщение местных обычаев и этических/религиозных смыслов, которыми наделяются постройки, а также предложение правил и концептуальных различий. Они необходимы для критической оценки «установления общественного порядка» таким образом, чтобы сохранить «ценность» окружающей городской среды, не принимая решений по поводу конечного образца для этой «ценности»¹⁵. Витрувий предложил три категории – *utilitas* (*польза*), *firmitas* (*прочность*) и *venustas* (*красота*) – и ввел шесть первичных понятий, с чьей помощью можно было бы по этим категориям оценивать архитектурный объект¹⁶. Ни одно из

¹⁵ См. вступление Витрувия, посвященное императору.

¹⁶ Я понимаю эти понятия как элементарные в квазиматериальном, квазидосудочном смысле: все они служат фактором любого архитектурного произведения, подобно тому как стихии в «Тимее» служат фактором для всех материальных тел (все вещи состоят из огня, воды, земли и воздуха, и мы можем пред-

этих понятий не является обособленным в роли отдельной метрики, скорее, они должны быть все вместе особым образом задействованы архитектором; планирование этого взаимодействия – вот работа, в которой архитектор может быть более или менее профессиональным.

Понятийный аппарат Витрувия призван представить критическую оценку подобного профессионализма, так чтобы «ценность» архитектуры могла быть сохранена через поколения и страны, не прибегая к позитивным определениям. Этот аппарат содержит как практические, так и теоретические аспекты, и Витрувий различает их как *fabrica* (*практика*) и *ratiocination* (*теория*). Шесть первичных понятий – это 1) *ordinatio* (*строй*): сосредоточение на выборе одного модуля, из которого должна быть выведена измерительная единица для общего установления размеров, с целью выработки «строя» здания посредством артикуляции соотношений и пропорций его частей; эта идея строя аналогична предложению Витрувия, что примером для подражания при оценке пропорций и измерений в архитектуре должно выступать человеческое тело, а не идеи размеров и масштабов, олицетворяемых конкретным богом; 2) *dispositio* (*расположение*): рассмотрение замысла и расположения всех элементов строения в обобщенной форме в планах; 3) *eurythmia* (*евритмия*): соразмерный общий внешний вид конкретно-

полагать наличие законосообразной пропорциональности между ними: огонь относится к земле, как воздух к воде).

го сооружения; 4) *symmetria* (соразмерность): для гармонии ордера относительно модуля, из которого выводятся его измерения; 5) *decor* (благообразие) или *соответствие* либо *уместность*: для приспособления конкретного произведения к установленным обычаям; и 6) *distributio* (расчет, в греческом – *oikonomia*): для распределения строительных материалов и расходов, соответствующих богатству и статусу клиента.

Обобщение местных традиций и этических/религиозных значений, предпринятое Витрувием, является настолько интересным потому, что производится способом, который, как я считаю, не имитирует или воспроизводит философские методы обобщения и классификации, а скорее движется *параллельным*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.